



16+

Сводная сестра
ДЛЯ МАЖОРА

МАРИЯ МАНИЧ

Мария Манич

Сводная сестра для мажора

«Автор»

2022

Манич М.

Сводная сестра для мажора / М. Манич — «Автор», 2022

Полгода назад моя жизнь изменилась. Мне пришлось сменить город. Поступить в посредственный вуз и прикидываться тихоней, которая боится каждого шороха. А ещё я внезапно для самой себя влюбилась... Первый раз в жизни и сразу врезалась в бетонную стену безразличия. Он мой сводный брат — надменный, эгоистичный мажор, который думает только о себе и своём удобстве. Я для него пустое место. Помеха, которая своим появлением внесла коррективы в его жизнь. Он придумал для меня правила, которые мне лучше не нарушать. Но что будет, если он нарушит их первым?

© Манич М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1.Глава	5
2.Глава	10
3.Глава	14
4.Глава	17
5.Глава	23
6.Глава	28
7.Глава	33
8.Глава	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария Манич

Сводная сестра для мажора

1.Глава

– Смотри, какой красавчик!

Мне не хочется даже поворачиваться в ту сторону, куда указывает моя одноклассница и приятельница Надя. Я попала на удочку её бесконечных уговоров, которыми она терроризировала меня всю неделю.

И где я теперь?

В каком-то подвале, на концерте у какой-то малоизвестной группы, от музыки которой у меня сворачиваются уши. И смотреть на красивых парней – моё последнее желание на сегодня. Я хочу спать. Потому что сейчас три часа ночи, а завтра нам к первой паре. А я последнее время полюбила учиться. Потому что это единственное развлечение, которое мне позволено.

– Смотри же. Он пялится прямо на тебя! – шипит Надя, тряхнув кудрявой головой.

Отмахнувшись от её волос, захватываю губами трубочку, опущенную в стакан с минералкой, которую бармен открыл при мне.

Незнакомые, пусть даже и симпатичные, парни меня совершенно не волнуют, поэтому ни на кого я смотреть не планирую. С недавних пор с парнями я завязала. Со всеми. По крайней мере, именно так я пытаюсь убедить своё глупое и наивное сердце.

– Василенко, ты пришла сюда парней клеить? Или слушать свой хеви-метал?

– Это инди-рок, – обиженно выдаёт подруга, надувая щёки.

Это всё, что вам следует уяснить о моих познаниях в музыке. Зато я могу рассказать историю искусств от античности до настоящего времени. Почему же я сегодня здесь?

Потому что последнее время все мои передвижения вне университета тщательно отслеживаются отцом. А сегодня выпал отличный шанс – впервые за много месяцев – выйти куда-то из дома после девяти вечера. И я им воспользовалась. Уже жалею.

– Девушки, что вам заказать?

Мою щёку обдаёт горячим дыханием, и я дёргаюсь, разливая воду на свои чёрные джинсы. Стакан падает и разбивается, орошая пол мелким стеклянным крошевом.

– Чёрт! – Выругавшись, встаю с барного стула и смотрю на свои мокрые ноги и поблескивающие в светодиодных огнях осколки.

Мокрые пятно почти незаметно на тёмной ткани в полутьме клуба, но во мне знакомо поднимается волна гнева. Вся эта ситуация кажется до жути узнаваемой. Словно я в ней уже бывала. Но я не знакомлюсь в барах и не пью коктейли, купленные мне посторонними. Больше не пью.

– Нужно оплатить битую тару, – невозмутимо произносит бармен, бросая на нас быстрый взгляд.

– Без проблем.

Оплачу, заберу Василенко отсюда, даже если будет сопротивляться, и поедем по домам. Достāju карту из заднего кармана джинсов и кладу на барную стойку, когда поверх моей ладони ложится чужая рука.

Опять дёргаюсь. Не люблю, когда незнакомые люди меня касаются.

– Простите, я не хотел вас напугать, – спешно извиняется парень, продолжая стоять рядом со мной. – Тогда тем более позвольте вас угостить и оплатить ущерб. Хочу загладить свою вину.

Тошнит от этой показной вежливости.

– Убери руки.

Его ладонь исчезает с моей так же внезапно, как и появилась, но отставать он не планирует.

Вскидываю глаза на этого джентльмена и прищуриваюсь. Он длинный и очень худой. Тёмные волосы тщательно уложены, модная трёхдневная щетина выбрита фигурно, и лицо, в общем-то, симпатичное. Только совершенно не в моём вкусе. На парне модные брендовые шмотки и дорогие часы на запястье, правда, словно не с его плеча. Футболка на пару размеров больше, и это не модный оверсайз. Да и сам он немного дёрганный какой-то. Не похож на прожжённого пикапера на охоте. Постоянно оглядывается на своих дружков, которые притихли и смотрят на нас как на зверюшек в цирке. Ждут представления.

Надя кокетливо поправляет волосы, явно собираясь продолжить это плохо спланированное знакомство, и расплывается в подбадривающей улыбке, от которой мне хочется закатить глаза.

– Шел бы ты... обратно к своим приятелям, – киваю на столик за его спиной. – Мы в благотворительности не нуждаемся.

– Белова! – не переставая улыбаться, шипит Надя и толкает меня локтем в бок. – Это она так шутит! Не обращай внимания.

– Неа, я не шучу, – пожимаю плечами. – Послушали музыку? Теперь домой поехали.

– Но...

– Мы можем довести вас, – приходит на помощь нашему джентльмену ещё один. – Альберто как раз на колесах и не пил.

Вот этот уже другой сорт. Уверенный в своей неотразимости и в том, что ему мы точно не сможем отказать. Одежда на дохлике явно с его плеча.

– Могу дыхнуть.

– Простите, мальчики, но мы никого не ищем. Ни водителей, ни других сопровождающих. Попытайтесь вон с теми дамами, у них на лбу написано, что они пришли сюда не восхищаться вокальными данными солиста. Идём, Надь.

Тяну одnogруппницу за руку, но она всё же умудряется засунуть свой номер, быстро нако-рябанный на салфетке, этому самому Альберто.

– Белова, ты в универе просто божий одуванчик! Что за мегера сейчас чуть не покусала бедного Альберто? Кто в тебя вселился? Это ты так расстроилась из-за того, что он перенервничал и случайно толкнул тебя? Да парень полчаса собирался с духом, чтобы к нам подойти! – ворчит Надя уже на улице, пока мы пытаемся вызвать такси. – Я прям не узнаю тебя.

– Ты меня и не знаешь, – отвечаю тихо.

К нам одновременно подъезжают две машины такси. Одна жёлтая, другая белая. Я запоминаю номер той, в которую села Надя, и скидываю вместе со своим маме. Она прочитывает сообщение через пару секунд, несмотря на то что время уже позднее.

“Хорошо погуляла, доча?”

“Все нормально, мам. Спи.”

Печатаю ответ и закрываю мессенджер.

“Позвоню завтра” – высвечивается на экране.

Оставляю непрочитанным.

Спустя двадцать минут я поднимаюсь в лифте на девятый этаж элитной многоэтажки. В квартиру, которая на данный момент считается моим домом. До восемнадцати лет я жила с мамой совсем в другом городе. И спустя семь месяцев после переезда я так и не привыкла к своей новой комнате. Она не моя. И дом этот моим никогда не будет, потому что хоть отец и поселил меня сюда, эта квартира принадлежит совсем другому человеку.

Поворачиваю ключ в замке и вздыхаю с облегчением, только когда закрываю дверь с обратной стороны. Погуляла, называется. Нервы как канаты натянуты, и сердце грохочет с утроенной силой. Теперь в душ и спать, до утра осталось не так много времени.

– Где ты была? – раздаётся голос в темноте, и тут же в прихожей загорается яркий свет, ослепляя меня.

Сердце в груди дёргается и на секунду останавливается. И совсем не потому, что от этого голоса по моей коже каждый раз бежит стадо мурашек. А потому, что его обладатель, не моргнув глазом, сдаст меня моему отцу и своей матери. Лишь бы я убралась из его квартиры, и ему не пришлось больше присматривать за мной.

– Гуляла. Извини, что забыла предупредить тебя, мамочка, – огрызаюсь, скидывая громоздкие белые кроссовки на пол.

Расстегиваю объёмный пуховик и запикиваю его в шкаф, внизу замечаю большую спортивную сумку и хмурюсь. Я рассчитывала, что сводный братец прикатит со своих сборов и игры только через пару дней. И мои ночные похождения останутся тайной. Для него и для моего отца.

– Шмотки сменила, и смелости сразу прибавилось? – хмыкает Чернов. – Поздновато для прогулок.

– Забыла спросить у тебя разрешения. А, нет... не забыла.

Щурюсь, прикрывая рукой глаза, разглядывая привалившегося плечом к косяку Мишу. Который (внезапно!) стоит без футболки, и я только сейчас это понимаю. Скольжу взглядом по кубикам пресса вверх к его грудным мышцам, на которых выбита татуировка. Размашистые крылья птицы с песочными часами посередине, через которые стекает песок. Она мне нравится, очень красивая работа, так и тянет рассмотреть её поближе и прикоснуться. Чего я никогда в жизни не сделаю!

– Нравится? – нахально спрашивает Чернов, поймав меня за разглядываем.

Его светлая кожа покрыта каплями воды, словно он недавно вышел из душа. Мышцы рук вдруг напрягаются, когда Чернов меняет свою расслабленную вальяжную позу, скрестив предплечья на груди, закрывая мне обзор.

Да, определенно мне нравится. Нравится настолько сильно, что в пальцах появляется зуд сейчас же взять карандаш и набросать на листке всё, что я успела разглядеть.

Но он об этом не узнает.

– Кто? Ты? – приподнимаю брови и громко смеюсь, запрокинув голову.

Надеюсь, выходит натурально, а не как у актрисы из плохого ситкома.

Чернов мрачнеет и начинает двигаться. Быстро, как хищник, который давно затаился, выслеживая свою добычу, а сейчас наконец-то вышел на охоту. Он загоняет меня в самый угол прихожей, потому что я вдруг поддаюсь его влиянию и пачусь назад. Пока моя спина не касается стены.

Изо рта вырывается судорожный вздох, а кожа покрывается тысячами мелких мурашек. Это из-за холода, уверяю я себя. На мне лишь тонкая футболка, а стена, к которой виртуозно прижал меня Чернов, смежная с подъездом.

– Ты тоже не нравишься мне, Белова, – произносит медленно и вкрадчиво Миша.

Чернов ставит руки по бокам от моей головы, нависая точно надо мной своей полуголой тестостероновой массой. В мозгу одна за одной вспыхивают картинки того, как в универе на нём виснут девчонки. Даже Надя каждую пару физкультуры вздыхает по этому футболисту, потому что он чертовски хорош собой. Чернов об этом прекрасно осведомлён и не менее прекрасно умеет этим знанием пользоваться.

Жить в одной квартире с ним было бы крайне опасно, если бы ещё пару лет назад мы не выяснили, что совсем друг друга не волнуем. Миша так вообще относится ко мне с какой-то давящей неприязнью.

– Что ты делаешь? – произношу хрипло, выставляя перед собой руки.

Чернов перехватывает мои запястья одной ладонью, потом дергает на себя так, что я почти падаю, врезаюсь в него, а затем приближается к моим губам.

Я замираю, широко распахнув глаза, обжигаясь о его горячую кожу.

Лицо Чернова прямо напротив моего. Из-за нашей разницы в росте ему приходится сгорбиться, и его нос задевает мой, запуская электрический разряд по моему позвоночнику. Рвано выдыхаю. Первый раз за полгода кто-то так близко и нагло вторгся в моё личное пространство, не спросив разрешения.

Настолько близко, что я чувствую запах его кожи и... своего геля для душа. Могу разглядеть каждую его ресничку и с удивлением обнаруживаю карее пятнышко на его голубой, как небо, радужке.

Его зрачки расширяются, а моё сердце вдруг пускается в трусливый галоп.

– Миша... что ты... – разлепляю наконец свои онемевшие и пересохшие губы.

Чернов наклоняется ещё ближе к моим приоткрытым губам и... принимает!

Моё лицо искажается, а Чернов, наоборот, улыбается, глядя мне прямо в глаза. У меня от этой улыбки переворачивается и скручивается в узел всё нутро.

Придурок!

Разъярённо дёргаюсь, жалко трепыхаюсь, пытаюсь вырваться из его рук. Только Миша уже сам меня отпустил, киношно подняв ладони вверх, показывая, что он больше не намерен меня трогать.

Тру запястья, на которых остались полыхающие огнём красные кольца от его пальцев, и шиплю:

– Какого чёрта, Чернов?

Миша лишь улыбается. Победно и хищно. Смачивает свои губы быстрым движением языка и смотрит на меня, чуть опустив подбородок. Этот его взгляд... он меня убивает, разрывая на тысячи микро Кать.

– Сигареты и пиво? Или нет... сигареты и ром? – говорит Миша, привалившись плечом обратно к дверному косяку.

– Что?

– Что ты пила?

Я не пила ничего крепче минералки, которую при мне вскрыл бармен. Если бы у них не было запечатанных бутылок, не стала бы пить вовсе, даже если бы умирала от жажды. Клуб, в который меня привела Надя, хоть и был подвальным помещением, но тем не менее представлял собой довольно известное место в городе, а не какой-то там притон.

Только я совершенно не намерена рассказывать обо всём этом Чернову.

– Я должна тебе отчитываться? – вскидываю вверх брови, копируя его позу.

Руки на груди. Плечо к стене. Одна нога обвивает другую.

– Можешь отчитаться папаше. Он будет рад узнать, что его дочурка притащилась откуда-то в пять утра, пахнувшая как дешёвая кальянная.

Я нервно моргаю, когда он упоминает моего отца. Мой папа... он сложный человек. Старой военной закалки и строгих взглядов на жизнь. И я наказана. Уже несколько месяцев подряд. Только недавно он, довольный моим поведением, сделал мне некоторые поблажки. Например, подарил новый телефон вместо конфискованного старого. Полностью новый. Без единого контакта.

– Ты не скажешь отцу, – медленно говорю я. – Иначе бы ты сейчас здесь передо мной не распинался.

– Мне нравится смотреть, как ты дёргаешься и бледнееешь от страха.

– Тебя я не боюсь.

– Это временно.

- Нет ничего более постоянного, чем временное.
- Первое правило помнишь? – резко произносит Чернов.
- Разозлённо киваю.
- Пока живи. И пошла отсюда.

Сжимая кулаки от досады, я слушаюсь. Не опуская глаз, прохожу мимо Чернова, сцепив зубы, но не могу удержаться от того, чтобы не продемонстрировать ему средний палец, помахав им прямо перед его носом.

Взбегаю по ступенькам к себе в спальню и слышу за спиной тихий смех.

2.Глава

Квартира, в которой я сейчас живу, двухуровневая. В жизни не видела таких хором. Несколько спален, две ванны, огромная кухня-гостиная, оснащённая по последнему слову техники, которой, кстати, никто до меня не пользовался. У Чернова даже холодильник не был подключен к сети. Понятия не имею, чем он питался раньше, до того момента, как мой заботливый отец не подселил меня к своему любимому пасынку.

Достаю из холодильника залитую с вечера овсянку в контейнере и запикиваю её в сумку.

Одно из правил Чернова в его чёртовом списке правил: не попадаться друг другу на глаза. С чем мы отлично справлялись до вчерашней стычки в прихожей. Мы живём с ним под одной крышей. Судя по тому, что продукты в холодильнике исчезают с регулярным постоянством, он ест мою еду. Но мы не пересекаемся. Совершенно.

Я ухожу в университет рано, пока Чернов шумит водой в своём душе, расположенном на первом этаже. Учимся мы на разных курсах, и наше расписание почти не совпадает, кроме одной-единственной пары по четвергам. Стараюсь приходить домой либо сразу после пар, когда знаю, что у сводного братца футбол, либо совсем вечером.

Я его совершенно не боюсь, мне просто так комфортно, словно живу одна. На второй этаж он не суётся. Вход в мою спальню ему закрыт, как и мне в его. Это тоже одно из правил.

Да он чокнутый, вы не находите?

Натягиваю в прихожей сапоги и беру с вешалки пальто. Застыв с ним в руках, медленно поворачиваю голову в сторону спальни Чернова.

В моей голове происходит щелчок и загорается лампочка, озаряя мозг светлой мыслью.

Как он вчера мог пахнуть моим гелем для душа, если тот стоит в моей ванной? Которая примыкает к моей комнате.

Тело реагирует странно. На спине выступают мелкие капельки пота. Внутри закручивается спираль паники.

Как он узнал, что меня нет в квартире? Заходил ко мне в спальню?

По позвоночнику бежит холодок, и я сглатываю.

В комнате полно моих рисунков, лежат где попало. Я планировала несколько дней провести дома одна и не стала ничего убирать, перед тем как отправиться с Надей на концерт. Они и сейчас разбросаны по моему письменному столу. Я не стесняюсь своего таланта, просто не хочу дать ещё один повод для власти надо мной Чернову, ведь почти на всех рисунках последнее время фигурирует он. Я не знаю, как так выходит, но, когда беру карандаш и пытаюсь сделать небольшой набросок, рука сама выводит его черты.

– Ты ещё здесь, Белова?

Чернов появляется в коридоре и проходит мимо меня на кухню, оставляя на кафельном полу мокрые следы. Он босой. Только что из душа. И опять не потрудился надеть на себя что-то кроме широких спортивных штанов, которые висят на его бедренных костях непростительно низко. Демонстрируя мне сначала его подкачанный, покрытый каплями воды пресс, а затем и две ямочки у на поясице.

– Ты заходил ко мне в комнату, – произношу спокойно, складывая руки на груди. – С какой стати?

Чернов останавливается у холодильника и, открыв его, несколько секунд изучает скудное содержимое. Злорадно ухмыляюсь: последние дни я ничего не готовила. А вторая порция овсянки, залитой греческим йогуртом и посыпанной семенами чиа, ему вряд ли понравится.

– Это моя квартира, где хочу, там и хожу. Ещё вопросы?

– Твоей матери, – не удерживаюсь от ремарки.

За что получаю уничтожающий прищуренный взгляд в свой адрес. Посылаю в ответ невинную улыбку. Только правда и ничего кроме правды.

– Могу вообще спать у тебя. У тебя удобный матрас.

– Спи на своем продавленном, меньше надо водить к себе всех без разбору, – фыркаю, вспоминая, как недавно проснулась среди ночи от весьма характерных звуков, доносившихся снизу.

Моя спальня находится прямо над его.

– Думаешь, я делаю *это* только у себя в комнате? Наивная маленькая Катенька.

Теперь настает очередь Чернова улыбаться, глядя прямо мне в лицо, а затем его взгляд съезжает немного в сторону. Сначала на комод в прихожей, потом на дверь ванной, из которой он только что вышел, диван в гостиной, журнальный столик, подоконник, кухонный стол...

– Боже... прекрати!

Вылетаю за дверь, громко хлопнув ей напоследок. И делаю себе пометку заказать на неделе клининг. Не знаю на какие деньги, но этой квартире явно нужна хорошая дезинфекция.

До университета я добираюсь за пять минут быстрым шагом. Если идти медленно и любоваться ничем не примечательными окрестностями, то выходит минут семь. В этом плюс жизни с Черновым.

Квартира ему подарена матерью, моей мачехой, на совершеннолетие три года назад. Меня тогда даже приглашали посетить этот праздник и влиться в новую семью отца, но я не могла оставить маму. После предательства папы она была немного не в себе. А как ещё ты будешь себя чувствовать, если в один чёрный день любовь всей твоей жизни говорит, что уходит к другой? Лучше и вовсе не представлять каково это.

Мы с мамой жили довольно скромно. Она работала, я училась. Выплаты, которые прислал отец, были ровно такими, как постановил суд.

Родители расстались четыре года назад. Когда мне было четырнадцать. Пубертат и переходный возраст, а ещё развод родителей... Было сложно.

Ух, что я тогда вытворяла! Ещё наложились гормональная перестройка и обычные подростковые проблемы. Я бунтовала, прогуливала школу, вела себя неадекватно, проколола нос и язык, покрасилась в рыжий, спалив при этом свои шикарные от природы волосы... Мама всё покрывала, отцу не рассказывала, сама терпела и старалась мне помочь. А я, наоборот, тогда хотела, чтобы она рассказала всё папе. Чтобы обратил на меня внимание. Обнял и сказал, что всё равно будет меня любить. Но ничего подобного не было.

Я его разочаровала ещё в день своего рождения. Поэтому он нашел себе женщину с взрослым сыном и старался вложить в него всё то, что в меня не вкладывалось, лишь потому что у меня не тот пол.

– Доброе утро!

Надя приземляется рядом со мной за парту, радостно улыбается. Выглядит хорошо, словно спала не два часа, а все восемь. Я свои круги под глазами замазала консилером, стараясь при этом не попасть в глаза, которые и так еле держались открытыми.

После стычки с Черновым мне было не до сна. Тело взбунтовалось и горело от адреналина и незнакомых мне до этого эмоций. Я проворочалась всё время до будильника, а теперь, наоборот, клюю носом, стараясь не отключиться прямо за партой, ещё до начала занятий.

– Не такое уж оно и доброе, – ворчу, доставая из сумки блок с сегодняшними лекциями, планшет и журнал посещаемости.

Кто-то в деканате тридцать первого августа решил, что я отлично подхожу на роль старосты группы, а через неделю меня назначили ещё и старостой потока. Мой глаз до сих пор дёргается, когда я вспоминаю это голосование. Лес рук и только единственный голос против. Мой. А кто ещё хочет взваливать на себя дополнительную работу?

– Да ладно? Отлично вчера повеселились! Мне уже написал Альберто, прислал розу и доброе утро. Это так мило, да? – щебечет рядом Надя, а я подавляю в себе порыв вставить в уши наушники.

– Мило, – отзываюсь эхом.

Вывожу напротив самого адекватного человека в группе букву “н” и вздыхаю. У моей одногруппницы и единственной почти подруги Полины Романовой заболел ребёнок, и неизвестно когда она теперь придёт на учёбу. Только представьте: двадцать лет и уже есть бэбик! У меня мороз по коже от такой перспективы.

– Может, схожу с ним на свидание, – мечтает вслух Надя. – Он, конечно, не в моей весовой категории. Но, может, у него есть более подкачанные друзья?

Надя, сколько я её знаю, борется с лишним весом. Пока он побеждает. Потому что вместо овсянки по утрам она запихивает в рот пирожок. Полнота её совсем не портит, но она на ней весьма заиклена и все свои шутки сводит к этой своей особенности. Может, потому что всю жизнь живет бок о бок с почти супермоделью? У неё есть старшая сестра, которая, по мнению Нади и Миши, идеальна.

Да-да, и Чернов тоже от неё подтекает, аж слюни на пол капаят, когда он видит в коридорах универа Милу Василенко. Свою бывшую девушку, которая променяла его на новенького капитана футбольной сборной универа. Когда Василенко кинула Чернова в начале семестра, он приполз домой и даже не мог снять с себя обувь. Видимо, настолько была сильная любовь. Или настолько задето самолюбие.

Только это вроде как меня не касается и совершенно не моё дело, однако Мила Василенко меня дико раздражает.

– Дай парню шанс, если он действительно тебе понравился. И не смотри на внешность первым делом, за ней может скрываться напрочь прогнившее нутро, – говорю Наде, записывая в журнал тему сегодняшней лекции.

– А Польша где? Опять опаздывает?

О том, что у Романовой есть ребенок, как я понимаю, знают лишь единицы. Я, потому что оказалась рядом при весьма интересном разговоре, и отец ребенка, Никита Волков, тот самый капитан, который увел Милу у Чернова. Больше в универе никто не проинформирован. И лучше пусть так будет и дальше.

Надя классная, и мне нравится с ней болтать, но, положив руку на сердце, она жуткая сплетница. Которая читает универский инстаграм и группы “Подслушано о...”, а ещё состоит в секретном чате “Сплетник”. Иногда мне кажется, что она его и ведёт. Но это лишь мои догадки.

– Заболела.

– Пусть выздоравливает быстрее! Сейчас напишу ей...

– Зачем?

– Хочу рассказать кое-что интересное о нашем короле футбола.

Цокаю языком и, стукнув ручкой по столу, поворачиваюсь к одногруппнице. Не хватает только Романову доставать сплетнями о Волкове. Пусть без этого добра разберутся.

– У неё температура, и она ничего не сообщает. Расскажешь при встрече.

– Думаешь? – Надя зависает с телефоном в руке и задумчиво чешет кончик носа. – Можно я тогда тебе расскажу?

– Что за срочная новость, которая не терпит промедления?

– Волков и Чернов вчера подрались! Даже видео есть, хочешь посмотреть? А потом Волкова разжаловали из капитанов, и отгадай, кто теперь возглавляет университетских футболистов?

– Тренер? – пожимаю плечами.

А сердце начинает учащённо биться. У Чернова была ссадина на скуле и сбиты костяшки, плюс немного покраснел нос. Он ходит в спортзал в нашем жилищном комплексе, и пару раз

я видела, как он боксирует. Но я не думала, что он с кем-то всерьёз сцепился, тем более с Волковым. Скорее предполагала, что это груша дала ему сдачи.

Усмехаюсь. Но быстро прячу свою улыбку, потому что замечаю, как мимо нашей аудитории вальяжной походкой идёт Чернов. В чёрной толстовке и таких же чёрных, драных на коленях джинсах. Он мельком заглядывает в открытый дверной проём и, скользя безразличным взглядом по студентам с моего потока, чуть дольше задерживается на нас с Надей. Отчего моя одногруппница вдыхает воздух со свистом, а мне хочется хлопнуть себя по лбу.

Миша кивком головы показывает какому-то парню из параллельной группы на выход и скрывается в дверях.

– Чернов теперь капитан. Милка поди локти кусать начнёт, – хихикает Надя, поправляя свои кудряшки. – Или опять метнётся к нему, оставив в покое Волкова.

Я Надиного веселья не разделяю. На капитана обычно вешается ещё больше девочек, чем на обычного футболиста, а Миша... ну он не тот, кто будет отказываться от обилия предложений.

К дезинфекции квартиры мысленно приписываю: купить беруши.

3.Глава

После трёх лекций и одного семинара я могу думать лишь о еде. С тоской вспоминаю свою овсянку, оставленную дома, и понимаю, что её есть не хочу. Мне хочется углеводов и жиров. Чего-то вредного, жирного и сладкого. Потому что сил после учебы нет совсем, а после бессонной ночи и подавно.

Прощаюсь с Надей на крыльце универа и, вместо того чтобы идти в супермаркет и домой, выбираю дорогу, которая ведет через университетскую парковку в местный ТЦ. Там неплохой фудкорт и несколько ресторанов, плюс можно немного походить по магазинам и зайти в художественный салон. Мне нужны несколько новых тюбиков краски и бумага.

Сегодня у Чернова по расписанию столько же пар, сколько и у меня. Если у него нет футбольной тренировки, то обязательно будет поход в спортзал. Или, может, ещё куда пойдет, но дома, скорее всего, появится к ночи. Я знаю его расписание так же хорошо, как и своё. Кто-то, может быть, назовёт меня сталкером, но нет. Это не для того чтобы отслеживать сводного брата, а для того, чтобы держаться от него подальше.

Пока иду через парковку, мои глаза сами находят в веренице машин чёрный “кайен” Миши. Никогда не понимала, зачем он ездит в университет на авто. Его квартира находится через две улицы. Он дольше машину прогревает в морозные дни, чем мог бы идти пешком.

Равняюсь с “кайеном”, подпрыгивая над землей сантиметров на тридцать, потому что улицу пронзает длинный громкий гудок.

Хватаюсь за сердце, которое, кажется, собирается проломить грудную клетку, выпасть на асфальт к моим ногам и удрать в неизвестном направлении.

– Твою же...

Чернов, а это именно он, наклонившись вперед и обняв руль двумя руками, смотрит на меня в лобовое. Улыбается... своей мерзкой улыбкой, от которой у меня внутри всё скручивается узлом.

Как можно быть таким красивым и отталкивающим одновременно? Вот об этом я и говорила Наде... гнилое нутро.

Первое правило: никогда не разговаривать с ним первой.

Но сейчас мне впервые за всё наше совместное проживание хочется с ним заговорить. А именно: наорать и побить его сумкой или кулаками, потому что я реально испугалась и заработала себе пару седых волос.

Вместо этого медленно вдыхаю и выдыхаю, считая до ста, а потом улыбаюсь ему. Самой сладкой улыбкой, на которую только способна. Если он хочет вывести меня из себя, пусть придумает что-то получше.

Разворачиваюсь и, закинув сумку на плечо, иду дальше. Но дергаюсь опять, когда сигнал повторяется.

Он это специально?

Не оборачиваясь, цокая каблуками по мокрому асфальту, собираюсь перепрыгнуть лужу, когда слышу, как хлопает дверь машины.

– Белова! Я что, за тобой бегать должен?

“Придёт время, может ещё и побегаешь”, – проносится в голове совсем не уместная мысль.

– Чернов, а я тебя не заметила, – смотрю на него через плечо, продолжая шагать вперед. Ещё пару метров, и будет светофор. – И не слышала.

– В машину садись, – засунув руки в карманы куртки, чеканит Миша.

– У всех на виду? – мои брови ползут вверх.

Правило два: мы незнакомы.

В университете совсем не общаемся и даже не здороваемся.

Мы даже в общих квадратных метрах можем днями не разговаривать и не пересекаться, потому это правило для меня вполне приемлемо. Да и после переезда сюда не было особого желания видеть кого бы то ни было, а уж тем более общаться.

У Чернова странные извращённые правила, которые не всегда укладываются в моей голове, а их там довольно внушительный список. Он знатно подготовился к нашему совместному проживанию в его огромной мажорской коммуналке. Но я играю по ним, потому что спокойная жизнь мне важнее. А ещё потому, что он на короткой ноге с моим отцом и его лучше не злить, вполне возможно, однажды мне может потребоваться его помощь.

– Чем быстрее ты засунешься в тачку, тем больше вероятность, что это никто не увидит. Шевели ножками.

– Я не собираюсь домой, – делаю последнюю попытку ему отказать.

Меня ждут борщ и блины в кафе на фудкорте. А ещё любимые часы полного одиночества в толпе людей. Где никто меня не замечает и не обращает внимания, а я могу рисовать разные сюжетные скетчи. Пальцы так и покалывает взять и набросать что-нибудь на листке бумаги, потому что я уже несколько дней ничего не рисовала, и у меня начинается ломка.

– А мы и не домой, – говорит Чернов и, покачнувшись на пятках, разворачивается обратно к машине.

Оглянувшись по сторонам, обреченно вздыхаю. Как назло, на студенческой парковке пусто, как после зомби апокалипсиса. Ветрено, холодно, и даже те студенты, которые обычно любят зависать группами около крыльца учебного корпуса или сбоку фасада, выкурить сигаретку-другую, давно ушли в место потеплее.

У меня начинают замерзать кончик носа и пальцы ног в тонких осенних сапожках, которые не предусмотрены для первых настоящих холодов.

Обреченно вздохнув, словно меня собираются казнить в салоне “кайена”, я забираюсь внутрь, на переднее сиденье. Накидываю на себя ремень безопасности и стаскиваю с рук перчатки, вытянув ноги. Встречаюсь с насмешливым взглядом сводного брата и приподнимаю брови.

Что? Что-то не так?

– Я не сказал, что мы куда-то поедem, – ухмыляется Чернов, поворачиваясь ко мне корпусом.

Поверх своей чёрной толстовки, в которой я видела его ранее, он накинул цветастый бомбер с различными нашивками. Я скольжу взглядом по ним, рассматривая и запоминая, а потом поднимаюсь к его лицу.

– Раз я здесь, можешь меня и подкинуть до ТЦ. Уходить я не собираюсь, – произношу, улыбаясь, глядя ему прямо в глаза, и устраиваюсь поудобнее.

А потом совсем смелею и, наклонившись вперед, нажимаю на приборной панели подогрев сиденья. Прикрываю веки, откидываясь на подголовник. Блаженство... это лучшая штука, которую только могли придумать для автомобилей.

– У Романовой есть ребенок? – внезапно удивляет меня вопросом Чернов.

Открываю глаза и смотрю на него. Он явно ждёт от меня ответа, нетерпеливо постукивая пальцами по рулю. Чернов прицепился к моей одnogруппнице как банный лист к... сами знаете к чему он цепляется в бане... Но я не думала, что это у него серьезно. Полина сама была не в восторге от этого внимания и всячески его игнорировала, а Мишу это, кажется, только больше распыляло.

Внезапно я ощущаю досаду.

Она ему нравится. Правда нравится. Иначе он не задавал бы мне сейчас этот вопрос.

– Эм... ты перечитал университетский “Сплетник”? С чего такие выводы? Не стоит злоупотреблять таким способом почерпнуть информацию, – смеюсь, но не очень натурально.

– Волков сказал, – резко говорит Чернов. – Что у Романовой есть ребенок, а у него есть дочь. Я в состоянии сложить два плюс два. Они бывшие одноклассники и, похоже, родки одного и того же ребёнка. Но мне нужны факты, это лишь догадки. Ты её подружайка, так что давай выкладывай.

– Сплетни это не ко мне, – говорю и дёргаю ремень безопасности. – Сдался тебе этот ребёнок? Ты же не собирался с ней всерьёз начать встречаться?

– Не собирался. Я собирался её завалить.

– Фу, Чернов. Избавь меня от этих знаний, – качаю головой и закатываю глаза. – Если на этом всё, то я, пожалуй, пойду.

– Стоять, Белова. Ты же девчонка... – медленно произносит Миша, оглядывая меня с головы до ног.

Его взгляд задерживается на моих груди, бедрах и острых коленках. Словно это и есть первичные половые признаки девушки. И возвращается к лицу. Миша тянет уголок губ вбок и прищуривается.

– И что с того? Я с тобой полгода в одной квартире живу, даже ты должен был уже догадаться, что живёшь не с парнем.

– У меня к тебе есть предложение, – будто не слыша, произносит мой названный сводный брат.

– Что бы это ни было – не интересно, – поднимаю вверх руку, прося его замолчать. – Вернусь сегодня к комендантскому часу, мамочка.

Моя рука тянется к дверной ручке, но Чернов блокирует двери, о чём оповещает характерный щелчок.

– Блин, Чернов! Какого хрена?! Тебе вчера мало от Волкова прилетело? Или наоборот – чересчур?

– Ты поможешь мне, а я помогу тебе. С твоим папашей. Скажу, что ты стала хорошей и послушной девочкой. Исправилась, по ночам не гуляешь, не куришь, занимаешься учёбой и бросила свои художества, – подмигивает Чернов, довольный тем, что сумел завладеть моим вниманием.

– Я никогда не курила.

– Это не имеет никакого значения.

– Что тебе нужно? Сводить с Романовой я тебя не буду. У неё правда есть ребёнок.

– Да плевать мне на эту Романову, – раздражённо произносит Миша, а потом вываливает на меня свою “просьбу”.

Мои глаза расширяются от услышанного, и вдруг хочется помыться. А ещё оказаться как можно дальше от этой машины и Чернова, но, кажется, своим присутствием я уже согласилась ему помочь.

4.Глава

Не разлепляя век, пытаюсь нащупать рукой трезвонящий телефон. Несколько раз промахиваюсь рукой мимо тумбочки, свалив с неё несколько книг и чуть не скинув стакан с водой. В итоге мне приходится со стоном открыть глаза и приподняться на локтях в поисках мобильного.

Оглядываю комнату, не понимая, где лежит этот чёртов телефон!

В комнате плотно задёрнуты шторы, я старательно закрыла их вчера, потому что меня раздражает светящая прямо в лицо, как прожектор, полная луна. Сегодня суббота, и мне никуда не надо: ни на учебу, ни куда-либо ещё. Поэтому я хотела просто выспаться! Провалиться в кровати до двенадцати дня. Потом заказать еды и опять упасть в кровать, обложившись доставками, ноутбуком с сериалами и скетчем с маркерами. Идеальный выходной, которому не суждено сбыться, потому что я, кажется, забыла выключить будильник.

Откинув одеяло, ставлю ноги на пол и свешиваю голову вниз.

Под кроватью тоже пусто.

Трель наконец-то прекращается.

И я блаженно откидываюсь назад на подушку, прикрыв глаза.

Всю ночь я рисовала, поэтому даже сейчас в складках одеяла разбросаны смятые листы черновиков. Выходила по большей части ерунда. Поэтому я злилась, портила рисунок и выдирала бумагу из блокнота, комкая её в ладони. Просто вчера было настроение такое поганое после общения с Черновым и его очередным гениальным(читай – нет) планом. Даже думать не хочу о Мише.

Надеюсь, сегодня у него насыщенный планами день, и дома его не будет!

Подскакиваю на кровати, потому что мерзкий телефонный звук опять просачивается в уши.

Вздыхнув, распахиваю шторы и принимаюсь искать свой мобильный заново.

У меня уходит на это несколько минут. Телефон, полностью разряженный, я нахожу под второй подушкой в кровати. Он смотрит на меня чёрным пустым экраном, а я непонимающе гляжу на него в ответ.

– Чернов! – шиплю сквозь зубы, отбрасывая бесполезный предмет обратно на одеяло.

Это его мобильник не даёт мне спать, разрываясь от непрекращающегося звона заикленного будильника... в семь утра субботы!

Не знаю, как там можно спать, чтобы не ощущать его, даже если я слышу через слой бетона! Или пол в этом доме картонный?!

Раздраженно топнув босой ногой и посыпав на голову Мише проклятия облысения, я натягиваю на себя пижамные шорты. Собрав волосы в хвост и зевая, наперевес с тремя кружками, в которых плещется недопитый мной чай, шлепаю вниз на кухню.

Заснуть я больше не засну, но хоть завтрак приготовлю в одиночестве, в лучах скудного почти зимнего светила. В наших краях солнце в ноябре такой же редкий гость, как снег в Африке.

На самом деле я надеюсь, что шум миксера и работа кофемашины сделают пробуждение Чернова таким же приятным, как моё.

Я могла бы ворваться к нему в комнату и засунуть этот самый мобильный ему в... кхм... уж я бы нашла куда ему его засунуть! Но правило номер три или номер пять – что-то с утра я путаюсь в этих правилах – гласит: в комнату другого входить запрещено.

С раздражением засовываю капсулу в кофемашину и, почесывая одну ногу другой, разглядываю наш полупустой холодильник. Яйца или... яйца?

Удивительно, но на кухне трезвонящий телефон я не слышу. В какой-то момент мне кажется, что дома я совершенно одна. А идти и проверять на месте ли кроссовки Миши мне совсем не хочется.

Он вчера вечером куда-то ушёл, и вроде сквозь сон я слышала, как он вернулся, громыхая ключами в прихожей. Но мне могло показаться. Хотя какое мне дело до того, где сейчас Миша? За стенкой или у какой-нибудь инстаграмной девицы? Всё верно. Абсолютно никакого.

Именно поэтому все вчерашние смятые черновики украшает его татуировка.

Разбиваю яйца в миску и, взяв вилку, взбиваю их для пышного омлета. Включаю музыку в телевизоре и, прибавив громкости, начинаю пританцовывать, подвывая знакомым песням.

– Твою мать! Чё за фигня, Белова?

Сердце от неожиданности подпрыгивает к горлу. На секунду я испуганно застываю в дурацкой позе, в которой усиленно крутила попой, и выпрямляюсь, продолжая невозмутимо переворачивать свой омлет лопаткой.

– Семь тридцать утра, Катька! – рычит Чернов, вырубая телевизор и поворачиваясь ко мне как раз в тот момент, когда я смотрю на него через плечо.

Он в одних лишь боксерах, и его подкачанное тело желает мне доброго утра гораздо более дружелюбно, чем его хозяин. Чересчур дружелюбно.

Чувствую, как щеки покрываются красными пятнами смущения.

Чернов кладет руки на пояс, ещё больше привлекая моё внимание к тому, на что смотреть совсем не стоит. По крайней мере, так откровенно пялиться, как я это делаю те несколько секунд, которые пытаюсь заставить свой заторможенный от недосыпа мозг функционировать здраво.

Это же Миша! И меня совсем не волнует, что находится у него в трусах! Вот совсем! Будь там бейсбольная бита или корнишон. Только вот там совсем не корнишон...

Парень издаёт смешок, и это выводит меня из ступора.

– Правда что ли, Чернов? – выгибаю брови, стараясь не смотреть ниже его лица. – Семь тридцать? Всего-то? А я вот не сплю с шести пятидесяти! Представляешь?

Миша заспанный, с пропечатанной отметиной от подушки на щеке, которая совсем его не портит. У него красивое лицо, модельное такое. Его только и фотографировать, ну или рисовать. Лишь бы рот не открывал. Как откроет, так весь его флёр куда-то испаряется. Лично для меня... Для девчонок из универа не имеет значения, что несёт красивый, но поганый рот Чернова. Они только и мечтают о том, чтобы заткнуть его своим. Я буквально на днях слышала, как несколько третьекурсниц на перемене в туалетной кабинке обсуждали умения Миши, перечисляя его достоинства. Недостатков, по их мнению, у него нет совершенно. Просто они с ним не жили под одной крышей в течение полугода.

Чернов никогда не был паинькой, а как расстался со своей Милой-кобылой, так совсем слетел с катушек. Всё-таки любовь была? Ничто человеческое Чернову не чуждо?

– Твоё удобство меня не волнует, – морщится Миша после моих слов. – Забыла правила? И с кем живешь?

– О, мой господин! Я помню их наизусть. Можешь разбудить меня ночью, и я расскажу весь свод правил, как таблица умножения от зубов будет отскакивать! – Отвернувшись обратно к плите, снимаю с огня сковороду. – Ещё вопросы? Или закончим на этом наш бессмысленный обмен утренними любезностями?

– Как же ты бесишь меня, Белова, – цедит сквозь зубы Чернов, потирая виски. – Особенно по утрам. С какого хрена выперлась из комнаты своей?

– Людям для жизни нужна еда. Завтракать я вышла, Миша. Что тут непонятного? Или у нас есть правило, которое запрещает мне есть еду? Которую, кстати, я и покупаю, и готовлю.

Перекладываю омлет на тарелку и беру кружку, полную ароматного кофе с белой молочной пенкой. Мурлыча себе под нос надоедливую песню, которую уже третью неделю, не пере-

ставая, крутят из каждого утюга, ногой отодвигаю стул и, поставив тарелку на стол, вскидываю глаза на Мишу. Который почему-то до сих пор не скрылся в своей спальне. Ловлю его взгляд на своих голых ногах и понимающе улыбаюсь.

– Божественно! Невероятно! Мммм... – Накалываю на вилку омлет и пробую его, закатив глаза.

Скорее всего, Мише придётся заказать себе доставку из ближайшего ресторана, если он планирует позавтракать дома, потому что оба яйца, которые оставались в картонном лотке, сейчас лежат на моей тарелке. А больше в нашем холодильнике ничего нет. Свою ленивую овсянку я доела ещё вчера.

– Сама покупаешь, говоришь? – ехидно ухмыляется Чернов. – На деньги, которые тебе дает твой отец, который получает их от моей матери?

Меня его пикировка совсем не трогает. Поэтому я демонстративно отрезаю ещё один кусок омлета и запихиваю его в рот. С наслаждением жую, прикрыв веки, издавая, неприличные звуки и причмокивания.

Мой отец не альфонс. Тиран, который меня не понимает и никогда не поймет, но не альфонс. Деньги зарабатывать он умеет, вот делится он ими менее охотно... По крайней мере, со мной.

Может быть, всё и началось с того, что он женился на женщине, которая была гораздо обеспеченнее его в материальном плане. Но это было только в начале их отношений. Анна, мать Миши и моя мачеха, дала отцу капитал и толчок в правильном направлении. Он основал свою собственную компанию по аренде автомобилей и давно перестал зависеть от богатой жены. Только, видимо, Чернов никак не забудет этот маленький факт из старта отношений наших родителей.

– Я как-нибудь переживу этот факт. Ты ведь тоже живёшь на мамочкино подаяние? На работу устроиться не планировал, чтобы зарабатывать своё? – спрашиваю, склонив голову набок.

С этого ракурса достояние Чернова кажется мне менее внушительным.

Миша стоит посреди нашей гостиной, широко расставив свои босые, жилистые ноги и уперев руки в бока. Он сверлит меня недобрым, чуть прищуренным взглядом и быстро облизывает свои губы. Мне всё сложнее удержать взгляд на его лице...

Боксеры на нём серые, это так... чтобы мне не одной жить с этой информацией, вам она тоже, скорее всего, необходима.

– Чем я занимаюсь, тебя волновать не должно. Но по секрету расскажу, что я давно не беру у матери ни рубля, – говорит Миша и щёлкает пальцами напротив своих бедер. – Мои глаза здесь, Катенька.

Опять пойманная за разглядыванием его тела, я стыдливо краснею до самых кончиков ушей.

– Ты мог бы прикрыться или одеться, не один всё-таки живёшь, – прошу крайне вежливо, скрывая своё пылающее лицо за кружкой.

– Я у себя дома.

С этим и не поспорить. В моей голове крутится несколько вариантов ответа на эту реплику, но я понимаю, что в нашей словесной перепалке он легко сможет меня заткнуть.

Чернова ничего не трогает. Он весь такой из себя расслабленный, эгоистичный, его совсем не волнует, что его тело может меня смущать. Скорее даже забавляет моя почти детская реакция, которую я пытаюсь скрыть за сарказмом. Поэтому решаю ответить ему тем же.

Языком тела.

Отодвинув стул, поднимаюсь на ноги и, смотря прямо в глаза Мише, подцепляю пальцами резинку своих домашних шорт.

– Что-то мне жарко.

Зрачки Чернова расширяются. Он как голодный волк следит за каждым моим движением. Атмосфера между нами меняется. Нас разделяет несколько метров, но я буквально чувствую, как тело Чернова напрягается. Но он ничего не предпринимает. Молчит. Просто ждёт, что я сделаю дальше.

У меня покалывает кончики пальцев, когда я всё-таки решаюсь совершить задуманное. Медленно стягиваю шорты вниз, оставаясь перед ним в одних трусиках и длинной домашней футболке, в которой обычно сплю ночью. Она скрывает от моего сводного брата самое интересное.

Шорты падают на пол, а я перешагиваю их и, зацепив носком ноги, подкидываю вверх.

Брови Миши пытаются залезть к нему на макушку, а рот слегка приоткрывается. Он наклоняет голову, улучшая себе обзор на мои голые ноги и едва прикрытое футболкой белье.

– А это ещё кто? – вдруг раздаётся за спиной Чернова возмущённый голос.

Миша не спешит оборачиваться, продолжая пялиться на мои ноги. Зато я с чувством отвращения изучаю стоящую в дверном проёме Мишиной спальни девицу. В его футболке. С алыми, растерзанными поцелуями губами и всклокоченными как после хорошего секса волосами.

– Карина, вернись в спальню, – произносит Миша, растирая ладонями лицо.

Девушка картинно надувает губы, смотря то на меня, то на затылок Чернова. Вдруг я понимаю, что это её чёртов будильник меня разбудил. У Чернова другая модель телефона, стандартные мелодии на звонках у нас разные.

– А ты думала, ты единственная, милая? – делаю печальное лицо и сажусь обратно за стол, подтягивая к себе тарелку с омлетом. – Выход там.

Истеричка Карина начинает вопить так, словно наступила голой пяткой на морского ежа. Сначала её лицо вытягивается от удивления, потом кривится в гримасе гнева и обиды, и из открытого рта вырываются проклятия. В мою сторону, а не в сторону её бойфренда на одну ночь.

Он ей там горы алмазные, что ли, обещал или жениться? С чего такая реакция? Неужели думала задержаться рядом с капитаном нашей футбольной команды чуть дольше, чем остальные? Пока это удалось только Миле... и что он в ней нашёл?

– Доброе утро, млин! – возводит глаза к потолку Миша и, стрельнув в меня прощальным, не обещающим ничего хорошего взглядом, заталкивает свою Карину-картину в спальню, из которой тремя минутами ранее она появилась.

Из комнаты доносится визгливый крик:

– Ты не говорил, что у тебя есть девушка!

– Тебя бы эта информация вчера остановила? – слышу усмешку в голосе Миши и зло-радно хихикаю. – Перестала бы тереться об меня и отлипла?

Утро как раз из разряда хреновых переходит в очень даже неплохое.

– Как ты со мной разговариваешь?! – взвизгивается Карина. – Иди вон с девкой своей так разговаривай!

– Девка тут только одна.

Далее следуют грохот и нецензурная брань Чернова.

О, это уже интересно, лучше любимого сериала. Я надеюсь, она разбила его ноутбук о стену. Перед глазами мелькают картинки, демонстрируя мне фильм собственного сочинения. Там драка и выяснение отношений, а потом неожиданно двое начинают целоваться и сдирать друг с друга одежду. Только вместо Карины в главной роли почему-то я.

Трясу головой, прогоняя видение с цензом восемнадцать плюс.

– Вещи свои собрала и пошла отсюда, – гремит Миша.

От его крика даже у меня немного закладывает в ушах. Каринка начинает плакать, но, судя по звукам, Чернова это совсем не трогает.

Я не принимаю в их разборках никакого участия. Спокойно ем, потом так же спокойной пью кофе и мою посуду, убрав со стола. Протираю столешницу и провожаю взглядом прямую спину девушки, которая ни на минуту не перестаёт покрывать проклятиями голову Чернова и за компанию мою.

– Пока-пока, – взмахивая ладонью, топаю вслед за Кариной.

Не хватало, чтобы она в порыве гнева прихватила или испортила какие-нибудь мои вещи. У меня их и так не очень много.

– Как можно жить с таким козлом? Тебя реально не трогает, что он всю ночь занимался со мной сексом, а ты спала через стенку?

Немного трогает, хотя он и не мой парень и вряд ли когда-то им станет. Продезинфицировать квартиру, видимо, всё-таки придется, и не раз. Но, похоже, я вчера так устала, что совершенно этого не слышала. Или Миша плохо старался, и Карина не надорвала свои голосовые связки так, как её предшественница.

Пожимаю плечами и останавливаюсь в дверном проёме, наблюдая, как Карина запикивает свои длинные худые ноги в высоченные замшевые ботфорты.

Именно в этот момент в кухню-гостиную возвращается взбешённый Чернов. В штанах и широкой футболке, которая ещё недавно была на его девице. Надо же, всё-таки оделся. Шлёпая босыми ногами по полу, останавливается рядом со мной.

Мне инстинктивно хочется отодвинуться от Чернова подальше. Не уверена, что он успел принять душ, после того как всю ночь кувыркался с Кариной. Скрещиваю руки на груди и опираюсь плечом на стену.

Девушка в нашей прихожей начинает нервничать от двойного внимания, а её ноги всё никак не хотят влезать в ботфорты. Она ругается, откидывает с лица волосы и, сверкая глазами, бросает на нас с Черновым гневные взгляды.

– Так спешишь, тебе у нас не понравилось? – улыбаюсь, наблюдая за Кариной.

Вижу я её первый раз. Она точно не из нашего вуза и не из компании Миши, которую мне довелось видеть всего однажды. Какая-то новенькая, залётная. Старше Чернова. Сейчас, при более тщательном рассмотрении, я даже могу сказать, что она красивая. Такая эффектная брюнетка, с упругим телом, запакованным в блестящее короткое платье, и с остатками вечернего боевого раскраса на лице.

– Да пошли вы... извращенцы!

Бросив быстрый взгляд на рядом стоящего Мишу, я отмечаю, что смотрит он на свою спутницу со скучающим равнодушием. Чего он вообще вышел из своей комнаты и припёрся в прихожую?

Стоит молчит. Рядом стоит. Так близко, что я ощущаю жар его тела, а край моих домашних шорт, которые я натянула почти сразу, как Чернов уволок свою Карину-картину в комнату на разборки, касается его спортивных штанов.

– О, ты слышал, дорогой... нас называли извращенцами, это так... заводит, – начинаю дышать чаще и томно прикусываю губу. – Может, ты никуда не пойдешь, милая? Останешься с нами?

– Ненормальные! – взвизгивает Карина и, схватив своё пальто, нервно дергает ручку входной двери.

– Аривидерчи! – кричу ей вслед, получая в ответ громкий дверной удар по своим барабанным перепонкам.

Мы остаёмся с Черновым в оглушающей тишине его квартиры, на непростительно близком расстоянии друг от друга. Ни он, ни я не двигаемся с места пару секунд, а потом одновременно начинаем смеяться.

Миша кладет руку на стену рядом с моей головой, а второй держится за ребра, не переставая хохотать в голос. Я тоже не могу прекратить смеяться, вспоминая выпученные от ужаса глаза его подружки.

– Не перегнула? – всё, что могу выдавить из себя, стараясь не хрюкать. – Ты видел, как она убегала?

– Белова, ты сумасшедшая, – произносит на выдохе Чернов, опуская вниз подбородок и находя мои глаза своими. – Расскажешь, за что тебя наказал твой папаша? Мне первый раз стало действительно интересно. Ты врезала кому-то битой?

Он немного подаётся вперед, почти касаясь меня своим телом. Разворачиваюсь и прижимаю лопатки к холодной стене, не разрывая зрительного контакта. Чернов так близко, но я совсем не чувствую исходящей от него обыкновенно агрессии. Как, например, было совсем недавно в этой же самой прихожей у этой стены.

– Не битой. Но могу. Обращайся, – пожимаю плечами. – Лучше расскажи... где ты вот таких дамочек находишь?

– Думаешь, я их ищу? – произносит Миша, понижая интонации своего голоса до тех самых частот, при которых волосы на всём теле встают дыбом.

У меня встали.

– Понятия не имею, – говорю честно и быстро облизываю губы.

Они у меня после завтрака немного солёные и со вкусом кофе. Хорошо бы сходить почистить зубы, чем стоять и дышать друг на друга вот так. А расстояние между мной с Черновым становится всё меньше.

– Подумай.

Он гипнотизирует меня взглядом своих голубых глаз и придвигается ещё ближе. Настолько близко, что его бёдра теперь касаются моих.

– Ты что, хочешь проверить на мне свои чары обольщения? – выговариваю слова чётко, но сердце в груди отчего-то ускоряется, отбивая чечетку.

Миша кладёт вторую руку на стену около моих волос и чуть наклоняется, не переставая при этом пытаться меня взглядом. Касается пряди волос около виска и тянет на себя, прокручивая её между пальцами.

Во рту вдруг пересыхает. И я понимаю, что мы заигрались. Свернули немного не туда. И то, что происходит сейчас, мне не нравится. Он парень. Взрослый и свободный. Без особых моральных принципов и с плохой репутацией.

Чернов явно запомнил мой фокус с шортами и просто так этого не оставит. Ему плевать на девчонку, которую мы только что выставили за дверь. Он сделал бы это и сам, без моей помощи, но зачем-то решил подыграть.

– Чернов?! Отодвинься, – пытаюсь воззвать к голосу разума.

Своего или его. Не важно кто вспомнит, что у нас женаты родители и целоваться это последнее, что стоит делать со своим соседом по квартире.

– А что, если я не хочу?

Вдруг дверь в нашу квартиру с уже привычным грохотом раскрывается.

Мы с Мишей одновременно поворачиваемся, чтобы увидеть застывшую на пороге Карину. Её лицо искажается в гримасе отвращения, и она поспешно отворачивается, бормоча себе под нос:

– Я оставила в спальне телефон.

– Я принесу, – спокойно произносит Миша, отталкиваясь руками от стены.

Смотрю ему в спину, игнорируя присутствие Карины, и бьюсь затылком о стену. Он только что недвусмысленно поправил штаны в районе своего паха.

Продолжаю стоять на месте, словно меня приколотили к полу гвоздями. Чернов ведь знал, что она вернется. А если не знал, то какого чёрта сейчас было?

5.Глава

В моей комнате всегда царит творческий беспорядок. Футболки развешаны на единственном стуле, а не в шкафу, джинсы там же, поверх футболок. Чтобы найти два одинаковых носка, нужно хорошенько пошарить по углам и под кроватью. Платье, в котором я была вчера в университете, лежит комом на полу у дверей бесхозного шкафа.

– Начнём.

Потянувшись и размяв шею, приступаю к субботней уборке, не понимая, как я живу в этом бардаке целую неделю. Мама дома всегда напоминала мне о важности порядка, я ведь девочка, и там в моей комнате дела обстояли немного лучше, чем здесь.

Можно, конечно, всё списать на творческий порыв и мои художественные мозги. Например, на меня накинута муза, и было ни до чего. Некогда было всё это поднимать и развешивать, пальцы так зудели, что руки тряслись, как хотелось рисовать. Но положи руку на сердце это будет вранье. Почти. Рисовать правда хочется. До одури и почти всегда.

После каждой стычки с Черновым почему-то особенно... Всё, о чём я могу думать, это карандаш и мой блокнот для быстрых скетчей. Мне нравится, что выходит из под моего карандаша в эти моменты, но не нравится, кто являлся вдохновителем. Хорошо бы поискать себе другого муза.

Менее гадкого, эгоистичного, бабника.

Каким бы он ни был, так или иначе все мои мысли в конечном счете медленно уплывают в его сторону.

Несколькими часами ранее, почти сразу после нашего “совместного завтрака”, Чернов взял ключи от своей машины и ушёл из дома. Куда, он, конечно, мне не сказал, да я и не спрашивала. Может, вообще ночевать дома не будет. Мне не нравится эта мысль. До сих пор немного штормит от приключений, которые выпали на утро.

Миша, который был близко так, что я чувствовала его горячее дыхание и жар, исходивший от его тела... Взгляд, которым он смотрел на меня, царапая мою кожу и обжигая внутренности.

Фокус с шортами, кажется, был лишним. Так делать больше не стоит. Ведь если постоянно махать перед носом у быка красной тряпкой, можно оказаться вздернутой на его рогах.

Тем более теперь, когда мы будем видеться чаще.

Зачем я подписалась на его условия?

Ах, да... папа.

Собираю кучу грязного белья и несю в ванную. Сваливаю его в корзину и раздеваюсь сама, собираясь принять душ.

Мысли опять возвращаются к Чернову.

К его накачанному телу, покрытому татуировками и капельками воды. Эту картинку из памяти так просто теперь не выкинуть. Злюсь сама на себя, но, прикрыв глаза, вспоминаю, как эти самые капли медленно стекали по его каменному прессу, тёмной дорожке волос к самой кромке спортивных штанов.

Внизу живота начинает собираться тепло. И я поражённо и широко распахиваю глаза, упираясь взглядом в белую плитку ванной.

Душ шумит, пар наполняет комнату, и в висках у меня шумит только одна мысль.

Он не может мне нравиться.

Вдохновлять – это одно.

Но нравиться?!

Нет. Нет. Нет.

– Белова, ты там утонула? – раздаётся насмешливый голос моего сводного брата прямо за дверью ванной.

Подпрыгиваю на месте, хватая со стиральной машинки чистое полотенце и прижимаю его к себе как щит.

– Тебе-то какое дело? – рычу, выбираясь из ванны.

Холодный пол обжигает распаренные стопы, постепенно возвращая меня к реальности.

Чернов опять зашел в мою спальню!

Какого?!

– Мне – никакого, – раздаётся с той стороны двери.

Мне нужно сказать ему спасибо за то, что не спешит вламываться? Или послать его сразу подальше?

– Тогда что ты опять забыл в моей комнате? – говорю, проверяя закрыта ли я дверь. Слава Богу! – Чернов, мне кажется, я наобщалась с тобой уже на неделю вперед. Не мог бы ты, как обычно, держаться от меня подальше?

– Твой папаша тебя потерял. На хрен ты мне сдалась, Белова? – говорит Чернов, отдаляясь. – Позвони отцу. Если не хочешь, чтобы он приехал.

– Ладно. Спасибо, – произношу уже более дружелюбно.

Ответом мне служит хлопок двери моей спальню.

Выждав несколько секунд, открываю замок и опасливо оглядываю комнату. Никого.

Придерживая полотенце, нахожу свой мобильный на зарядке, и мне хочется стонать. Пять пропущенных от отца не предвещают мне ничего хорошего...

– Привет, пап. Ты звонил? – произношу немного нервно.

– Да. И ты не ответила, – звучит как обвинение. – Пришлось позвонить Михаилу.

Закатываю глаза к потолку.

Пришлось ему. Он на Мишу готов всё свое имущество переписать с того момента, как увидел. Ему плевать на поведение и выходки пасынка. Чернов идеален для моего отца лишь потому, что между ног у него есть яйца, в отличие от меня.

Что логично, потому что я девочка. Папа считает меня своим фиаско. Но больше, сколько они ни пытались, у них с мамой детей не было. Иногда мне думается, что он начал изменять ей гораздо раньше, задолго до эпичного ухода из семьи. Но у него так и не получилось нагулять себе сына.

– Я дома. Была в душе.

Полотенце так и норовит сползти с меня на пол. Придерживая его рукой, а телефон ухом, я закрываю дверь в комнату на замок.

Замок, правда, одно название. Его легко можно вскрыть с той стороны. Шпилькой, ножом или ножницами. Если бы вдруг Чернову захотелось ворваться ко мне в спальню, когда я переодеваюсь или сплю, он смог бы сделать это практически беспрепятственно.

Только ему это не нужно. Он всегда относился ко мне с лёгким пренебрежением, холодно и односложно отвечая или не замечая вовсе. Я же видела его и мачеху буквально несколько раз, до того как переехала сюда. По пальцам одной руки можно пересчитать “счастливые семейные встречи”. Одна из них состоялась на свадьбе наших родителей. Два года назад.

Именно поэтому отец доверил ему присмотр за мной и вряд ли думает о том, как своё время проводит его пасынок, живя со мной под одной крышей. Да и поселил он меня здесь, недалеко от них, лишь потому, что забеспокоился о собственной репутации, а не для того, чтобы спасти мою.

Если бы беспокоился обо мне по-настоящему, то предложил бы переехать к ним с Анной, а не к её сыну. Аргументируя тем, что эта квартира находится ближе к универу и Михаилу он доверяет как себе.

Зато совершенно не доверяет мне.

– Этот телефон должен быть при тебе, даже если соберешься в туалет сходить. Я хочу знать, что дал тебе этот шанс не просто так, Катя. И что ты его заслуживаешь.

– Не проще ли включить за мной родительский контроль? Будешь знать все мои перемещения по городу, можешь даже к браузеру моему подключиться и проверять, что я читаю в интернете. Достаточно ли высоко нравственную литературу или не совсем? – не могу сдержаться.

Да, оступилась один раз. С кем не бывает? Никто по молодости и глупости не совершает ошибок? Все такие идеальные?

Скидываю полотенце и нажимаю громкую связь на телефоне, бросая его на кровать. Сейчас отец разразится нравоучениями в его стиле. Главное, чтобы правда не сделал то, что я ему предложила. Хватает мне конвоя в виде Чернова, хорошо, что он без фанатизма исполняет свои обязанности.

– Ты отцу не дерзи. Молоко на губах ещё не обсохло, чтобы указывать мне. Надо будет, и контроль включу. Или отправлю тебя обратно к матери, где будешь сама со своим поступком разбираться. Забыла уже чего мне стоило тебя в университет устроить? Хорошо, Валерий Павлович должен был мне услугу.

– Не забыла, – говорю, обиженно поджимая губы.

Это было унижительно.

Хотя мне не привыкать.

Открываю ящик с нижним бельём и начинаю одеваться.

После утреннего шоу с шортами, при воспоминании о котором у меня начинают гореть уши, я решаю одеться более закрыто. В домашние штаны для йоги и широкую безразмерную футболку. Пока Миша дома, лучше мне не оголяться, испытывая его выдержку на прочность.

– Завтра у Анны день рождения, – между тем продолжает отец. – Я скину тебе денег, купишь ей букет и сертификат в магазин косметики. Чеки пришлешь. Себе тоже купи платье попривлекательнее, у нас гости будут. Остальные деньги тебе на неделю. Распредели сама. И давай уже без фокусов, Катерина.

Не прощаясь, отец скидывает вызов, оставляя меня в оглушающей тишине.

Мне совсем не хочется ехать к ним с Анной, вешать на лицо милую улыбку и дружелюбно разговаривать с их гостями, делая вид, что меня всё в этой жизни устраивает.

Это совсем не так.

После разговора с отцом у меня разболелась голова. Либо от его голоса, либо от недосыпа этой ночью. Поэтому я не нашла для себя занятия лучше, чем лечь спать. Подготовка к семинару может подождать до завтра. А больше у меня и дел особо нет. На улице падает снег, а это значит, что город встанет в огромные километровые субботние пробки.

Забираюсь на кровать и укрываюсь теплым пушистым пледом до самых ушей.

Надеюсь, мне ничего не будет сниться. И я просто отключусь.

Открываю глаза, когда на улице уже темно. Это может быть и глубокая ночь, и пять часов вечера. Темнеет сейчас рано. За окном бушует непогода. Снегопад, первый в этом году, превратился в настоящую метель.

Часы на телефоне подсказывают мне, что сейчас всё-таки не ночь.

Расчёсываю спутавшиеся, ещё немного влажные волосы пальцами и решаю спуститься вниз.

На моём этаже глаза можно не использовать. Темно и безжизненно.

Судя по тишине и полумраку в квартире, дома я опять одна. Этот факт меня никогда ранее не расстраивал. За Мишей и его жизнью я не слежу, лезть и принимать в ней участие тоже не пытаюсь. То, что было сегодня на кухне... это так, творческий порыв и моё хорошее настроение. Чернов отреагировал вроде вполне адекватно, по крайней мере, сам был рад изба-

виться от своей Карины-картины. Поэтому мне непонятно, откуда в груди вдруг взялось это гнетущее чувство тоски и одиночества.

Мне хочется позвонить маме, Полине или Наде. Сегодня суббота, и у всех, я думаю, есть дела поважнее, чем болтать с грустной Катей.

В кухне тускло горит подсветка.

Шлепая босыми ногами по тёплому полу, иду прямо к холодильнику. Он девственно пуст. Лимон, видевший ещё первую мировую войну, смотрит на меня с грустным укором. Безжалостно отправляю его в мусорное ведро.

– Сколько? – удивляюсь, смотря на время ожидания, которое предлагает мне доставка. – Три часа? Нет, спасибо.

– Ты всегда, когда одна, разговариваешь сама с собой? – раздаётся насмешливый голос справа от меня.

Чернов появляется рядом так бесшумно, что я дергаюсь от неожиданности и роняю свой мобильный на пол.

Он со страшным шлепком приземляется на кафельный пол экраном вниз. Ну, всё... капец телефону!

– Нельзя так пугать людей! – говорю раздражённо, присаживаясь на корточки.

Зажмурив один глаз, аккуратно переворачиваю телефон и не могу сдержать стона боли и разочарования. По экрану ползёт тонкая паутинка из трещинок.

– Кто мне запретит? – спрашивает Миша и опускается рядом со мной. – Не повезло тебе.

– Это всё из-за тебя! – рычу и толкаю его в плечо.

От неожиданности парень плюхается на задницу, а я встаю на ноги и начинаю беспокойно ходить из стороны в сторону, нервно заламывая руки.

Чернов мрачнеет, стирая с губ свою вечно приклеенную улыбку, которая сорвала трусы не с одного десятка девочек.

Мне плевать на перепады его настроения. Если отец увидит этот экран, мне крышка. Не потому что телефон дорогая вещь и всё такое, а потому что это опять не оправдывает его доверие. Мой прошлый мобильный был примерно в таком же состоянии, когда он конфисковал его у меня. Выдели бы вы его лицо и презрительно скривившиеся губы.

– Это ты криворукая и дёрганая, а не я.

– Вот уж спасибо за комплименты, Чернов!

– Да что ты распахивалась-то, Белова, – раздражённо говорит Миша, поднимаясь с пола. – Это всего лишь мобильный. Поехали, купишь себе новой.

Смотрю на него как на идиота. Хотя почему как?

– Это ты себе можешь позволить купить хоть пять телефонов за раз! А у меня, Мишенька, своих денег нет, всё под отчёт отцу.

– Мне иногда страшно интересно, Катька, чего ты там натворила. Но только иногда. С виду такая вся правильная. Шаг влево, шаг вправо сделать боишься. Трясёшься от любого шороха. За исключением твоей ненормальности и психованности.

– Я умею хорошо играть чужие роли. Поучись, Чернов, может, тебе и не придётся меня подсылать к своему очкарику. Сам притворяйся милым и душкой! – рычу в ответ, прижимая к груди свой побитый жизнью мобильный. – Зачем тебе такая ненормальная и психованная в помощники? Со своим отцом я могу разобраться и сама. Без тебя. Это будет долго, но я подожду. А тебе придётся потерпеть в соседках такую, как я! И правила свои дурацкие знаешь куда засунь?!

Подхожу к Чернову вплотную. Так, что моя вздымающаяся от гнева грудь касается его толстовки. Слава богу, в этот раз он одет не только в штаны. Тыкаю пальцем в грудь, ощущая, как под ним каменеют стальные мышцы. Касаться его тоже нельзя, это какое-то правило номер сто двадцать!

Но думаю, он это переживет.

Лицо Чернова непроницаемо. Лишь челюсть напряжена так, что и без того его выделенные скулы становятся еще острее.

Миша смотрит на меня несколько секунд неотрывно и не моргая, опускает глаза мне на губы и тут же возвращается к моим глазам. Буквально на секунду! Но я видела это! Он точно на них смотрел, потому что их начинает покалывать в тот же момент.

Пусть посмотрит ещё раз...

Теряюсь от этого мимолетного взгляда и отступаю, опускаясь на пятки. Даже не заметила, что поднялась на носочки, когда кричала на Мишу.

Нервно поправляя растрепанные волосы, смотрю в окно, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание:

- Забудь.
- Жду тебя на улице пять минут.
- Я никуда с тобой не поеду, Чернов.
- Поедешь. Через пять минут. На улице.

6.Глава

Спустя три минуты и сорок четыре секунды я, распахнув подъездную дверь и поправив капюшон, который порывами ветра откидывает назад, иду в сторону сверкающего фарами “порше кайена” Чернова.

Обычно, когда на такой машине ездит девушка моего или Мишиного возраста, её нарекают некоторыми определениями нелитературного содержания. А именно: за какие заслуги она могла получить такую машину в подарок от своего “папочки”, который отцом является ей только в силу его возраста. Однако, когда молодой парень владеет такой машиной, такие мысли почему-то никого не посещают.

Без своей матери Миша ездил бы на отечественном автопроме, и ему бы в голову не пришло поставить свою машину на кон в споре на чью-то девственность.

Идиот.

Красивый, сексуальный идиот.

Ему в жизни адреналина не хватает или элементарно мозгов?

Плотнее запахиваю пуховик, складывая руки на груди, застегивать его не стала: раз мы поедем куда-то, в машине априори будет теплее, чем на улице.

Бодрым шагом подхожу к машине и останавливаюсь у пассажирской двери, дёргая за ручку. Закрыто.

Я закатываю глаза, кивая подбородком Мише.

Что ещё за фокусы?

Он меня заморозить решил?

На улице пурга!

Чернов неторопливо выключает мобильный, в экран которого пялился всё это время, и, убрав телефон в карман, открывает мне дверь нажатием кнопки.

Молча забираюсь в салон, скидывая капюшон и распахивая куртку.

Внутри так тепло, что успевшие нападать на мои угги снежинки тут же тают, как и налипший на подошвы снег, пачкая идеально чистые коврики под ногами.

Злорадно улыбнувшись, стряхиваю остатки осадков в эту лужу и смотрю на Мишу.

Настала очередь Чернова закатывать глаза.

– Сама их будешь мыть, – серьёзно говорит парень, включая заднюю передачу, собираясь развернуться. – В багажнике есть ведро и тряпка.

Не могу сдержать саркастического фырка. И ещё раз показательно топчусь в луже на коврике.

– Обойдёшься. Куда мы едем? – спрашиваю, скрестив руки на груди.

На мне лишь куртка, домашние лосины и футболка. Надеюсь, Чернов не собирается гулять.

– В ТЦ сгоняем.

– Зачем?

– У моей матери завтра день рождения. Поможешь выбрать подарок.

– Всего-то? Я думала, мы едем на поиск твоей персональной девственности. Знаешь, ты мог бы просто попросить, а не командовать как обычно, – говорю, откидывая с лица волосы. – Тем более мне тоже нужно что-то купить для Анны.

Миша хмыкает, чуть повернув ко мне голову, его голубые глаза мерцают, отражая свет фар впереди стоящей машины, и я непроизвольно люблюсь им. Волосы зачесаны назад. Спереди на чёлке они у него длиннее всего; когда он тренируется, собирает её в небольшой хвостик, делая своё лицо более открытым. А лицо у него красивое. Мужское. С выдвинутым

вперёд подбородком, немного тонковатыми, на мой вкус, губами и аристократически прямым носом.

На переносице красуется ссадина, как и на скуле с правой стороны. И это его ничуть не портит. Придаёт ещё более хулиганский вид вместе с его татуировками, чёрной кожаной в заклепках курткой и рваными на коленях чёрными джинсами.

Не зря половина девчонок в универе готовы скинуть свои трусы и бросить к его ногам. Знали бы, какой он на самом деле, может быть, эта толпа немного поредела бы. Хотя нет. Иногда он может быть нормальным. В основном когда молчит и ходит без футболки. Некоторым больше и не нужно.

– И слушать твою истерику из-за телефона ещё минут двадцать?

Ну вот, он опять идиот.

– Не хотел меня слушать, мог и не звать с собой. Как тебе такой вариант?

– Да я уже жалею.

Миша слегка опускает голову и хмурится. Сосредоточенно смотрит на дорогу через лобовое стекло. Снег залепил его почти полностью, несмотря на то что дворники работают во всю силу. Машины двигаются плотным потоком. В городе огромные пробки.

– Лучше б дома остались, – произношу задумчиво, барабанив пальцами по своей коленке. – Мы движемся со скоростью черепахи!

– Твои предложения? – тянет Чернов.

Он достаёт из кармана куртки свой мобильный и, разблокировав экран, на котором мелькает заставка какого-то граффити, читает присланные в мессенджер сообщения. Мне хочется вытянуть шею и подсмотреть, кто пишет ему в субботу вечером. И кому он отвечает, слегка улыбнувшись.

– Можем кинуть машину в этом кармане и дойти пешком, – предлагаю, взмахнув рукой в сторону тротуара и пока ещё свободной парковки.

Мы не далеко отъехали от нашего дома. Плюс жизни в центре: всё рядом. Магазины, кино, центральная площадь, кафешки, университет – всё это в шаговой доступности. Машиной можно вообще не пользоваться. Ну это по мне. Чернов, видимо, считает по-другому, потому что на его лице отражается неподдельный ужас.

– Пешком?

– Это ножками, Миша! – показываю ему, как два пальца прогуливаются по моему бедру до колена. – Вот так.

Поднимаю голову и встречаюсь с внимательными глазами Чернова. Могу поклясться на всех своих кистях и красках, ещё секунду назад он рассматривал мои ноги. Зато теперь смотрит чуть выше правого плеча, делая вид, что он ни при чём.

– Тачку завалит снегом, когда ночью будут чистить дороги. Так себе вариант, Белова. Думай ещё, – раздражённо говорит Миша и, отвернувшись, возвращает взгляд на дорогу.

Чернов съезжает по сиденью вниз, устраиваясь удобнее, разводя колени шире. Стреляю взглядом, куда мне смотреть совсем не нужно, но жутко любопытно, и, вздохнув, подпираю щеку рукой. Моему сводному братцу, видимо, всё равно, сколько времени мы потратим на путь в магазин, главное, в сухости, а не с комком снега на лице. Признаться, я тоже не рассчитывала на долгие прогулки по улице.

– Тогда предлагаю поиграть в города, хоть как-то время скоротаем.

– Это у тебя приколы такие? Помолчи лучше.

– Да, мой господин.

Улыбаюсь, понимая, что опять взбесила Чернова. Он старается никак этого не выдавать, но по побелевшим костяшкам пальцев, которые с силой сжимают руль, догадаться несложно.

Миша врубает радио и, пока мы стоим, не двигаясь, позади какой-то “киа рио”, опять ныряет в свой телефон, потеряв ко мне всякий интерес.

– Если я тебя так раздражаю, мог оставить меня дома.

– Не мог.

Я не могу заткнуться просто так. Наверное, последние месяцы одиночества дают о себе знать.

Мне хочется есть и хочется поболтать. С ним. Его присутствие рядом вдруг совсем не напрягает и не раздражает. Да и выбора у меня нет, мы можем толкаться в этой пробке ещё часа полтора.

Я скидываю угли и забираюсь с ногами на сиденье. В ”кайене” шикарные глубокие кресла, нежно-сливочного цвета. Отстёгиваю ремень безопасности, краем глаза замечая, что Миша косится в мою сторону, и скидываю куртку. Остаюсь в свободной домашней футболке, в которой ещё час назад я мирно спала в своей кровати. Она чистая, но в нескольких местах заляпана красками. Но мне даже нравится эта легкая небрежность, которая напоминает мне о любимом деле.

Устроившись удобнее, тоже ныряю в свой разбитый телефон. Пишу несколько сообщений маме и отвечаю Наде. Полина тоже выходит на связь. Они с дочерью в больнице, но уже идут на поправку. Она просит прислать ей лекции и задания к семинарам.

Мы едем около сорока минут и больше не говорим друг другу ни слова. Я даже собираюсь ещё раз задремать, но Чернов вдруг выкручивает руль, ныряя в какой-то жилой двор и срезает половину пути.

Чертыхаясь, едет по кочкам и ямам, которых почти не видно из-за снега и не очень ярких фонарей. Зато мы наконец добираемся до сверкающего огнями торгового центра.

– Аллилуйя! – бормочет Миша, глуша мотор.

Он разминает шею из стороны в сторону до неприятного хруста, от которого меня передёргивает. Заметив мою реакцию, Чернов ухмыляется.

Я натягиваю назад свою обувь и накидываю куртку на плечи.

Миша идет впереди, засунув руки в карманы джинсов и подняв плечи к ушам. Шапки, я так понимаю, мажоры игнорируют. Зато у него на приборной панели в машине лежат солнечный очки. Лето же. Они просто необходимы.

– Что хочешь подарить Анне? – спрашиваю, вертя головой в разные стороны.

На дворе ноябрь, но всё вокруг уже украсили к Новому году. Я всегда любила этот праздник. Поэтому мне хочется пойти и пощупать новогодний декор в ближайшем магазине.

– Сначала наверх поднимемся, – произносит Чернов и, положив руку мне на плечо, разворачивает в сторону эскалаторов. – Застегни куртку.

Смотрю на него, округлив глаза.

– Ты больной? Тут жара градусов тридцать. Я сварюсь как рак в кипятке!

Веду плечом и стряхиваю с себя его клешню. Миша поджимает губы, смотря мне в глаза, а потом опускает взгляд на мою заляпанную домашнюю футболку.

– Белова...

– Что? Или мне нужно было одеться в “прада” и “гуччи”? Ты не сказал, куда мы едем. А мне плевать, как я выгляжу, Чернов. И плевать, что тебя это не устраивает. И вообще... воспользуйся своим правилом номер два. Сделай вид, что мы незнакомы.

– Лады, – слишком легко соглашается Чернов, шагая на эскалатор.

А я чувствую какой-то подвох.

Мы поднимаемся на самый верх к фудкورتу. Желудок скручивается, а рот наполняется слюной. Не знаю, что задумал Чернов, но я хочу есть. И я поем. Сейчас. А всё остальное уже потом.

Не успеваю остановиться около пиццы, собираясь сделать заказ, как мое запястье обвивают жёсткие пальцы Миши.

– Идём!

– Эй! Я хочу есть.

– Не здесь.

– Блин, Чернов, хватит загадками говорить. Спасибо, что довёз до магазина, но дальше можем и разделиться. Дома и так слишком часто пересекаемся.

– Хотела увидеть предмет спора? – наклоняется вдруг Миша к моему лицу, останавливаясь буквально в нескольких сантиметрах от моего носа. – Тогда идём за мной.

– Ты не за подарком приехал, да? – Хнычу и провожаю прощальным взглядом кусочек «Маргариты» с хрустящей корочкой и сыром.

– За ним тоже.

Прикрываю глаза и иду дальше за Мишей. Мы минуем шумную компанию парней, которые соединили столики и устроили что-то типа пирушки. Я даже вижу у них несколько бутылок алкоголя, которые они стараются маскировать, засунув в бумажные пакеты от фастфуда. Совсем не удивляюсь, когда Чернов здоровается с несколькими парнями за руку.

Они с любопытством поглядывают на меня, но я прикидываюсь глухонемой.

В основном на фудкорте обитают родители с детьми. На последнем этаже расположены также детский центр и большой книжный магазин.

Мы идём туда.

Когда заходим внутрь, Миша натягивает на голову капюшон и оглядывается.

– Конспирация так себе, Чернов.

– Заткнись, – отмахивается от меня Миша, продолжая осматриваться.

Я тоже оглядываюсь по сторонам. В книжном пусто, словно все люди на планете Земля вымерли. Не самое популярное место. Взяв с полки новинку, кручу в руках, собираясь ознакомиться с аннотацией, когда рядом со мной возникает продавец.

– Вам помочь? Ищете что-то конкретное? Для себя или в подарок? – тараторит девушка. – Вот это новое поступление, а это переиздание нашумевшей серии. Не читали?

Отрицательно качая головой, теряясь от этого напора. Чернов куда-то исчез! Оставив меня наедине с этой фанаткой зарубежной фантастики.

– Лена? – читаю имя на её бейджике. – Я пока просто осмотрюсь. Давно ничего не читала, не знаю, с чего хотела бы начать.

Девушка как-то разом сникает.

Она немного старше нас Мишей. Последний курс университета или даже выпустилась. На лице огромные очки в роговой оправе, на щеках яркие следы от акне, и полное отсутствие какого-либо ухода. На голове у неё блестящие, боже мой, немытые волосы, собранные в жидкий хвостик. Она мне вяло улыбается, демонстрируя неровные зубы. А мне хочется прикрыть глаза... Если это то, о чём я думаю... Нет... я не смогу.

Она даже не страшненькая... а запущенная какая-то. Одежда мешковатая и как будто с чужого плеча. Отталкивает своей навязчивостью и внешностью. И вызывает у меня жалость. А ещё приступ горечи во рту.

– Мы зовем её Библиотекаряша, – тихий голос Чернова раздается за моей спиной, как только девушка-консультант отходит обратно к кассе.

Оборачиваюсь к нему и бью корешком книги по плечу. Несколько раз. Я возмущена, до такой степени, что у меня начинают гореть уши.

– Ты и твои друзья – придурки! – шиплю тихо, приподнимаясь на носочки. – Я не буду тебе в этом помогать. Я отказываюсь.

– Будешь. Это блин, “порше”, Белова! – рычит в ответ Чернов. – Я не смогу её завалить, меня выворачивает наизнанку от одного её вида.

– Раньше нужно было думать! Чем ты думал, когда спорил на свою тачку?! Замни это дело. Денег дай кому-нибудь.

Чернов пожимает плечами, кривя губы, и я понимаю...

– Это не первый раз, да? И тебе раньше это нравилось? Ты раньше выигрывал? Как можно быть таким мерзким, Чернов?

– Застыдить меня решила? Ни хрена не выйдет, Белова. Я поспорил на тачку, на вот эту Чепушилу. А сначала на Романову. Подружку твою. Второй раз облажаться я не планирую.

Меня начинает тошнить. От Чернова, от его мира, к которому я вдруг прикоснулась. От игр богатеньких мальчиков. Развлечение, которое обычным людям не понять. От того, что такие вот игры могут сломать человека. Сломать его пополам. И только от его внутренней силы будет зависеть, сможет ли он двигаться дальше. Перешагнуть унижение. Встретить его с достоинством и не упасть на самое дно, когда даже оно оказывается пробито.

Делаю шаг назад.

– Я не буду тебе помогать, Миш. Она всего лишь девчонка. Живая. А не кусок пушечного мяса.

7.Глава

Снег летит в лицо, когда я выбегаю из торгового центра на улицу. За те полчаса, пока мы были внутри, погода стала только хуже.

Я накидываю на голову капюшон и застёгиваю куртку, только сейчас обнаружив, что не потрудилась надеть бельё.

Чёртов Чернов! Вот чего он так пылился на мою грудь!

Опустив голову, чтобы глаза можно было держать хоть немного открытыми, пытаюсь понять, в какую мне идти сторону. Где находится автобусная остановка? О том, чтобы поймать такси в такую погоду, не может быть и речи! А сесть в одну машину с Мишей сейчас выше моих сил!

Ненавижу таких, как он.

Зарвавшихся парней, которые считают, что им можно всё и всё сойдет с рук.

Пусть проиграет свой порш, ему будет полезно.

Не знаю, чем я думала, когда он первый раз озвучил мне свой план. Помочь ему – нет, не в соблазнении этой красотки, а лишь в том, чтобы с ней подружиться и привести её в порядок. В более приятный глазу вид. Для Миши. Чтобы бедного не тошнило, пока он будет её заваливать. Я не сомневаюсь, что у него это получилось бы, обаяния этому чёрту не занимать.

Просто я не думала, что эта Библиотекарша будет настолько жалкой. Понимаете, я не мать Тереза и в прошлом, довольно недалёком, я любила пройтись по головам, чтобы достигнуть нужной мне цели. И сейчас готова была сделать то же самое. Миша поманил меня тем, что замолвит словечко перед моим отцом, а мне так надоел его тотальный контроль, вот я и повелась!

– Блин-блин-блин, – бормочу, останавливаясь.

За своими мыслями я упускаю момент, когда освещённая фонарями территория торгового центра заканчивается и впереди маячит лишь слабо подсвеченный тротуар. С одной стороны которого проходит трасса, по которой, теснясь, медленно едут машины, а с другой – тёмный пустырь.

Туда идти мне не хочется. А Чернову звонить – ещё меньше. Я почти уверена, что он уже свалил и сейчас толкается на своём “порше” в этой самой пробке.

Буквально подпрыгиваю над землей, когда слышу позади себя тяжёлые шаги и учащённое дыхание. Моё сердцебиение сбивается. Вляпаться в неприятности – это последнее, что мне сейчас нужно.

Шарю одной рукой в карманах, пытаюсь нащупать ключи от дома. Если это маньяк, я выколю ему глаза! А второй уже достаю телефон, чтобы нажать кнопку sos. Хоть экран и разбится почти вдребезги, но сам аппарат всё ещё функционирует. Если что, им можно и по голове садануть.

В полной боевой готовности разворачиваюсь на пятках и почти лечу вниз.

Забыла, что надела перед выходом из дома угги, а они очень скользкие.

– Ты просто наглухо бедовая, Белова, – раздражённо говорит Чернов, успевший подхватить меня за капюшон и дёрнуть вверх, спасая тем самым от встречи с ближайшим сугробом.

– Ты что тут делаешь? – произношу, постукивая зубами, вцепляясь в его плечи.

У меня и в мыслях не было, что он может пойти за мной. Не вяжется у меня с его образом хождение за девушкой, которая, кроме подзатыльника, ничего ему не даст.

Двадцать минут назад мы так друг на друга орал, что нас попросили удалиться из книжного. Бедная Библиотекарша, кажется, была на грани нажатия тревожной кнопки. Пока Чернов объяснялся с охранниками, я ушла.

А теперь смотрю ему в глаза, находясь в пяти сантиметрах от его лица, и облизываю губы, которые щекочет его горячее дыхание.

– Я обещал твоему отцу присмотреть за тобой. Хотела пойти поискать приключений? – говорит Миша, продолжая удерживать меня на месте. – Домой поехали.

Ну вот, я же говорила, что он не добренький самаритянин! Его просто погладят по головке за то, что он присматривает за младшей сводной сестренкой. Может, денег побольше отсыпят.

– Мне не пять лет, я в состоянии за себя постоять. – Для убедительности бью его кулаком в грудь. – Я злюсь и никуда с тобой не поеду!

Куртка на нём расстегнута, и я чувствую, как под тонкой футболкой каменеют стальные мышцы. А ещё он горячий, даже через ткань. Если бы на меня в подворотне напал вот такой вот амбал, не факт, что я смогла бы отбиться.

– Я и вижу.

– Что ты видишь? – прищуриваюсь.

В его волосах бардак и снег. Мой капюшон слетел, и снежинки крупными хлопьями оседают на носу, бровях и губах, превращая меня в снеговика на тонких ногах. Слизываю их быстрым движением языка.

– Что тебе не пять... – бормочет Миша, опуская ресницы, а его ладонь медленно и верно пробирается ко мне под куртку, ложась на поясницу поверх футболки, и двигает ещё ближе к нему... – ...тебе все три, и ты ведёшь себя как ребёнок.

– Кто бы говорил, Чернов. Это не я играю в десткие игры с ребятами из своей песочницы.

– Не ты, – легко соглашается Миша, придвигая меня ещё ближе к себе. – Но ты очень хотела поиграть, Катя. Иначе бы послала меня ко всем чертям с этим спором, как только о нём узнала. Что тебе сейчас не понравилось? Предмет спора? Жалко её стало? Или представила себя на её месте?

– Мечтай, – фыркаю. – Отпусти меня, Чернов.

– Зачем, Белова? Ты тёплая и вкусно пахнешь, – вдруг улыбается Миша и в доказательство своих слов прижимается носом к моим волосам, продолжая шептать около моего уха: – Не то что Библиотекарша. Тебя хочется трогать. И смотреть на тебя тоже хочется. Тебе нужно сделать так, чтобы я хотел так же смотреть и на неё. Ну же... Белова, это же “порше”, а ты у нас и так не ангелочек. К чему строить из себя хорошую девочку именно сейчас?

Наглые пальцы, пробираются ко мне под футболку.

Его рука холодная, моя кожа горячая. Меня сшибает током от этого прикосновения, подкидывая нехилым таким разрядом в двести двадцать вольт.

Я дёргаюсь, но как-то слабо. Чернов действует на меня странно. В один момент мне хочется на него орать, покрывая матом, и бить корешком книги из отдела зарубежной фантастики, а в другой момент... в другой момент я думаю о том, что будет, если наши губы вдруг встретятся?

Надеюсь, я никогда этого не узнаю, потому что в моей жизни уже был один “плохой парень”, после которого я пытаюсь восстановить свою репутацию да и жизнь в целом. До сих пор.

Помните, я говорила вам про внутренний стержень каждого из нас? Я считаю, что у меня он есть. Один раз он уже не сломался, а проверять его на прочность второй – пока не хочется.

Миша смотрит на меня каким-то странно помутневшим взглядом, когда я поворачиваю голову в его сторону и мы пересекаемся взглядами.

Я чувствую своими бёдрами его бёдра и понимаю, что мы стоим всё-таки слишком близко. И на спасение младшей сводной сестры это уже мало похоже.

Он просто заговаривает мне зубы и дурит голову!

Я чуть приоткрываю губы и подаюсь вперед.

Зрачки Чернова расширяются, а взгляд быстрее молнии устремляется к моим губам.

Пользуясь тем, что он поплыл и потерял бдительность, поднимаю ногу и лягаю его в лодыжку.

– Ах ты... – шипит Чернов, выпуская меня из своей хватки и омута глаз.

Продолжая ругаться как сапожник.

Я бью его и по второй ноге, просто ради профилактики, и с мстительным удовольствием наблюдаю, как он оседает на только что нападавший пушистый белый снег.

– Я же говорила, что могу постоять за себя сама. Штучки свои пикаперские проворачивай на ком-нибудь ещё, – говорю я и, присев, делаю снежок. Запускаю его прямо в Мишу. – Ой.

Вообще, я целилась ему в плечо, но с меткостью у меня так себе. Поэтому попала прямо в лицо.

– Тебе конец, Белова. Беги, – отплеываясь, произносит Миша, недобро сверкая глазами, и сгребает ладонью комок снега.

Вот сейчас я его слушаюсь мгновенно.

Парковка торгового центра освещена тёплым уличным светом. Вывески подмигивают украшенными к Новому году гирляндами. Снег кружится, не переставая падать ни на секунду!

Бегу, вдыхая морозный воздух и выдыхая его сизыми облачками пара.

В моей обуви далеко не убежишь, но я очень стараюсь. Испытываю давно забытый выброс адреналина, который кипит мою кровь и подгоняет. Это не страх, это азарт.

Я знаю, что если Миша меня догонит, то ничего плохого не случится. Максимум будет задето мое самолюбие, примерно так, как я только что опустила его.

Взвизгиваю, когда слышу за спиной приближающиеся тяжёлые шаги. И ускоряюсь. Холодный ветер залетает в ворот куртки и щекочет голые участки кожи. Мурашки бегут по телу, пощипывая особенно чувствительные места. Летящие навстречу снежинки колют щеки, нос и губы.

Чернов спортсмен. Неплохой футболист и бегаёт он намного лучше меня, но почему-то догоняет не сразу. Его тоже заводит эта охота.

Я уверена, что он упивается этой погоней так же, как и я бегством.

Решаю его немного подразнить.

– Каши мало ешь, Мишаня, – выкрикиваю, оборачиваясь через плечо.

Это становится моей фатальной ошибкой.

К слепящему снегу в глаза, добавляются мои собственные волосы, развевающиеся на ветру волнистыми прядями. Они лезут мне в рот и нос, и я на секунду сбиваюсь с ритма, пытаясь от них отплеваться. Спотыкаясь о собственные ноги.

А в следующую секунду меня уже сбивает с ног Чернов.

Схватив меня своей огромной ручищей поперек талии, делает рывок и прижимает к себе. Мои ноги взмывают в воздух, и я вскрикиваю ещё раз! Пытаюсь вывернуться, вцепившись в его ладонь ногтями, но парень только сильнее сдавливает меня.

Миша громко дышит мне на прямо в ухо. Его губы почти касаются моей шеи, и потому я буквально ощущаю их движение, когда слышу его тихий угрожающий голос:

– Сдалась мне твоя каша, Белова. Я люблю другое...

– Что же? – спрашиваю с замиранием сердца.

– Мясо, – Миша клацает зубами около моей мочки.

Хочу в голос, представляя, как Чернов впиается зубами в огромный стейк, словно пещерный человек.

– Шизанутая.

Я чувствую улыбку. Спиной ощущаю, как быстро колотится его сердце в груди, к которой он меня прижимает. Не переставая куда-то тащить. Сучу ногами по воздуху, пытаюсь освободи-

диться. Мне это почти удаётся, а в следующий миг я оказываюсь в куче ледяного и одновременно обжигающего снега. Который жалит покруче роя пчёл!

Чернов скинул меня в сугроб!

– Аааа! – кричу, барахтаюсь. С первого раза выбраться у меня не получается, я только сильнее в нём утопаю.

– Как тебе, Белова? По кайфу?

Снег забивается за ворот моей куртки, холодит спину, попадает в рот, щиплет щёки, пальцы и, кажется, в полёте я потеряла свой сапог.

Над головой раздаётся раскатистый смех Чернова, который и не думает мне помогать. Не знаю, где он нашёл такую кучу снега, но одна я в ней купаться не собираюсь.

– Помоги, – прошу почти плача и протягиваю ему ладонь.

Я его совсем не вижу, потому что ещё не полностью очистила залепленное лицо, а в глаза то и дело попадают капли тающего на ресницах снега.

Чернов обхватывает мою руку своей и дёргает вверх. Но вместо того чтобы помочь ему и оттолкнуться пятками, я упираюсь в землю и тяну его на себя.

Миша, чертыхаясь, падает прямо на меня, придавливая к земле. Оказывается сверху, опираясь на локти возле моей головы, и лицо у него при этом такое шокированное, злое и вместе с тем восторженное. Столько эмоций намешано, что я опять начинаю смеяться.

Выдыхаю холодный воздух прямо ему в губы, которые оказываются всего в десяти сантиметрах от моего лица и, спохватившись, замираю.

– Ты что творишь? – тихим вкрадчивым голосом интересуется Миша, но при этом продолжает лежать прямо на мне. – Я тебя сейчас прикопаю прямо здесь.

Смотрит на меня каким-то странным взглядом, который я не могу сразу прочесть. А у меня от него бабочки в животе начинают просыпаться и трепетать. Те самые бабочки, которых полгода назад я травила дихлофосом, чтоб они сдохли уж наверняка.

– Уверен, что хочешь именно этого? – спрашиваю сипло.

Миша сжимает губы так, что на его лице проступают точёные скулы, словно он прикусил щёки изнутри. А в следующий момент он уже стоит, возвышаясь надо мной. Рывком поднимает меня и несколько раз встряхивает, избавляя от излишков налипшего снега. Достает из сугроба мой сапог и, постучав им по своему бедру, ставит передо мной.

– Идём в машину. Тебе надо согреться.

Чернов отворачивается и, засунув руки в карманы кожанки, высматривает свой “порше кайен”.

Я правда начинаю замерзать, поэтому совсем с ним не спорю. Стуча зубами, иду за своим сводным братом, пытаюсь понять, что сейчас между нами произошло. На какое-то мгновение весь мир словно замер, а потом крутанулся на сто восемьдесят градусов назад, в корне изменившись.

Вперившись взглядом в спину Чернова, могу поклясться на чём угодно: он тоже это уловил.

– Миш.

– В машину, Белова. Куртку снимай, она мокрая вся.

В салоне пахнет едой, я оглядываюсь по сторонам и замечая на заднем сиденье большой крафтовый пакет с логотипом одного из тех ресторанов, что были в торговом центре.

Моя футболка тоже оказывается мокрой, а от этого ещё и прозрачной. Поэтому, когда Чернов пакуется с хмурым видом на водительское кресло, я остаюсь в куртке, но начинаю постукивать зубами.

– Я же сказал: снимай её, – резко мотнув головой, произносит Миша, и врубает печку на полную мощность.

– Я мокрая.

Чернов как-то обреченно стонет и опускает голову на руль, несколько раз стукнувшись лбом.

– Чего, твою мать? – сипло произносит он.

– Футболка мокрая, а я без белья... – решаю пояснить, – поехали уже домой, а?

Не говоря ни слова, Чернов опять вылезает наружу и, взяв что-то в багажнике, возвращается спустя несколько секунд. В меня летит верх от его футбольной формы и, попав прямо в лицо, приземляется красной массой на колени.

Растерянно разглядываю яркую ткань в своих ладонях.

– Переодевайся.

Прежде чем дверь с грохотом закрывается, я успеваю уловить тихий бубнёж своего сводного брата о том, что именно он думает о мокрой одежде, отсутствии белья и полуголых девицах в его тачке.

Мои щёки начинают пылать. Расстегнув молнию, я скидываю куртку и беру в руки футболку с номером “16” на спине.

8.Глава

– С днём рождения, Анна, – обнимаю мачеху, похлопывая одной рукой её спину и целуя воздух около её красиво уложенных светлых волос.

Именинница выглядит сегодня как актриса старого голливудского кино. В длинном красном платье, с густо накрашенными ресницами и красной помадой. Кулон и браслет, которые украшают её шею и запястье, переливаются сотнями огней в искусственном свете ресторана. Думаю, они стоят пару сотен тысяч. Не рублей.

– Спасибо, дорогая, – произносит жена моего отца и отстраняется.

Вручаю небольшой букет из розовых роз и нежной белой эустомы, обернутых в крафтовую бумагу. Утром пришлось заказать цветы и съездить за сертификатом в её любимый салон красоты. Думаю, она и сама может себе его оплатить, но получать подарки всегда приятно. Тем более я знаю её не слишком хорошо, чтобы выбрать что-то более личное.

А у Чернова спрашивать не хотелось, потому что вчера, вернувшись с нашей снежной прогулки, мы разошлись по своим комнатам в полном молчании. Всю ночь я ворочалась и никак не могла уснуть. В крови кипели адреналин и возбуждение.

Спала от силы несколько часов, и, когда встала, Чернова дома уже не было. Не то чтобы я пошла его искать, просто знала, что проснулась одна.

И я понятия не имею, где он и чем занимается.

Может, на тренировке или...

В общем, мне не нравится, что я о нём думаю. *Где, с кем, зачем, когда вернется...*

– Пахнут потрясающе, – говорит Анна и, обернувшись к моему отцу, который сидит за столом, с улыбкой демонстрирует букет. – Володя, смотри, какая красота от Катюшки.

Он в ответ приподнимает бокал с шампанским и, переместив взгляд на меня, холодно кивает, отвернувшись назад к своему собеседнику. Я давно привыкла к такому отношению, поэтому оно меня совершенно не задевает. Портить праздник его жене я не собираюсь. Когда он только ушел от нас, я могла выкинуть что-то такое, за что ему пришлось бы краснеть. Но не сейчас. Сейчас я в образе хорошенькой девочки, примерной дочери и падчерицы.

Позорить никого не собираюсь и весь праздник планирую отсиживаться в уголке, потягивая минералку.

– И вот небольшой презент. – Протягиваю мачехе сертификат в подарочном конверте, и она опять расплывается в улыбке, прижимая меня к себе.

– Спасибо-спасибо! Никак не доберусь до массажа, теперь точно схожу! – восклицает она. – Дай-ка я на тебя погляжу... Катюшка, какое чудесное платье! Шифон?

– Наверное.

На мне лёгкое платье чёрного цвета, которое доходит до середины икроножной мышцы. Ткань сверху просвечивает, поэтому фасоном предусмотрено ещё одно – нижнее – покороче, из плотной, облегающей, чуть шелковистой ткани. На лице у меня лёгкий макияж, который подходит случаю. Я знаю, что выгляжу в них – платье и макияже – хорошо и мило.

– Нам надо с тобой как-нибудь выбраться на шопинг вдвоём. Девочками. Посекретничаем.

– Эээ... ладно, – немного теряюсь и переминаюсь с ноги на ногу.

– А Миша не с тобой? – спрашивает Анна, вытягивая шею и смотря за мою спину, словно её сын мог спрятаться за мной, а она – этого не заметить.

– Нет.

– Хм. Ладно. Беги за детский столик.

– Детский?

Мои брови взлетают вверх и лицо, наверное, приобретает странное выражение, потому что Анна вдруг откидывает голову и заливисто смеётся, похлопывая меня по плечу.

– Не пугайся ты так! Мы просто отсадили всех детей, чтобы вам не было скучно вместе с нами. Это для меня вы дети, а так там все примерно твоего возраста. Злата! – успокоив меня, подзывает администратора. – Проводи Катюшу... Отдыхайте, веселитесь. И ешь там давай! Кроватки – просто чудо!

Бросив ещё один взгляд на отца и убедившись, что моя персона его ничем не интересует, иду за девушкой по имени Злата.

Я могла бы прийти и сама, сложно заблудиться в пяти столах в одном банкетном зале. Радует только то, что “детский стол” находится в отдалении от праздника. Словно пришедшие сюда друзья семьи Черновых хотели как можно дальше отсадить от себя своих отпрысков. И я не могу их за это осуждать.

– Всем привет! – говорю, взмахивая ладонью и оглядывая свою будущую компанию на этот вечер, привлекая их внимание к себе.

Трое незнакомых мне парней, две девушки, которых я тоже вижу впервые, и... мой недавний знакомый из клуба. Тот самый, которого Надя пожалела и вручила ему свой номер. Увидев меня, парень теряется и округляет глаза. Стул рядом с ним как раз свободен, и я, не задумываясь, направляюсь к нему.

– Какая встреча, – произношу, укладывая сумку на колени и поворачиваясь к своему соседу по столу. – Признавайся, ты за мной следишь?

– Я... я... нет! Ты что! – поспешно заверяет меня парень, густо краснея.

– Расслабься, это была шутка, – усмехнувшись, тянусь за бутылкой минералки, стоящей в центре стола.

– Ал, неужели это твоя подружка? – усмехается сидящий напротив меня парень, откинув со лба чёрные волосы. Смотрит исподлобья с интересом и каким-то превосходством.

Одет в чёрную рубашку, несколько верхних пуговиц небрежно расстёгнуты, а изо рта у него торчит острый кончик зубочистки. По бокам от него пристроились две девушки, и если мне сначала показалось, что одна из них пришла с кем-то ещё, то сейчас я понимаю: они обе его.

Фууу.

– А что, ему запрещено иметь подружку? – спрашиваю, смотря прямо в лицо незнакомцу. С шипением откупориваю бутылку и наливаю пузырящуюся воду в высокий стакан для вина.

– Такую подружку поиметь захотел бы даже я, – оскаливается парень.

– Силенок-то хватит, ковбой? – киваю на сидящих по обе стороны клонированных блондинок.

– То есть ты даже не возражаешь?

– Не уверена, что ты сможешь меня хоть чем-то удивить, – говорю, поведя плечом, и поворачиваюсь к онемевшему Альберто. – Так какими ты тут судьбами, чудо-пикапер?

– С мамой пришёл.

– Прекрасно. Продолжай.

– А ты здесь как оказалась, пиранья? – смеётся любитель тройничков, опять перетягивая внимание на себя. – Это закрытая вечеринка только для своих. А тебя я раньше в нашей компании не видел, да, ребята?

– Ага.

– Хочешь лично проверить мой пригласительный? – интересуюсь, продолжая мило улыбаться. – А если я пробралась сюда тайком, сдашь меня охране? Или всё-таки подождёшь, пока я съем пару канапешек?

– Предлагаешь тебя обыскать? Да ты просто огонь, подруга, – говорит парень и подаётся вперед, теряя интерес к своим блондинкам.

Они посылают мне через стол враждебные сигналы, от которых хочется лишь закатить глаза. На их трофей я не претендую. Вот совсем. Меня больше интересует худой, лохматый Альберто, потому что я успела заметить его руки, перепачканные в мазках краски. Он художник?

– Я вижу, вы все уже познакомились с моей сводной сестрой? – раздаётся за спиной растягивающий слова голос Чернова. – Прошу любить и жаловать – Катюша.

От удивления несколько раз моргаю, но быстро беру себя в руки. Чернов только что в очередной раз сам нарушил собственное правило. Мы же с ним незнакомы, и нам совсем не обязательно трепать на каждом углу о том, что являемся сводными. Мог и сейчас умолчать об этом факте. В университете, например, никто не знает, что я живу с ним под одной крышей и что его мать является женой моего отца.

– Любить не обязательно. – Салютую бокалом мажору, сидящему напротив, и украдкой бросаю взгляд на Мишу.

Чернов, одетый в белую рубашку и чёрные классические брюки, садится за стол по другую от меня сторону, а рядом с ним вдруг приземляется красивая, модельной внешности брюнетка. Один в один похожая на ту, что я как-то выпроваживала из нашей квартиры. Но не она.

Миша с противным скрежетом двигает её стул по полу и закидывает руку на плечи девушки, прижимая к своему боку.

Мы пересекаемся взглядами, и я прищуриваюсь, крепче сжимая свой бокал.

– А меня Яна зовут, – говорит топ-модель по-американски, распластавшись по Чернову.

Не знаю, кому предназначалась эта информация, потому что реакции на неё никакой нет. Два парня, которые ещё не вступили в диалог, сидят, уткнувшись в свои телефоны. Мажор на другом конце стола что-то говорит Мише, а сам Чернов лениво поглаживает свою Банану по бедру.

Мне, конечно, до конца не видно, где он там её поглаживает, но я надеюсь, что день рождения его матери всё-таки тормознет братца от непристойных выходок.

Отвернувшись от новоиспеченной парочки, поворачиваюсь к своему соседу.

Альберто с задумчивым видом накладывает себе закуски и, кажется, немного дёргается понимая, что я опять на него смотрю.

Оценивающе сканирую его внешность и прихожу к выводу, что он всё-таки симпатичный парень. Худой только очень и длинный. Сегодня его волосы не зализаны назад, как несколько недель назад в клубе, а свободно растрёпаны и доходят ему до подбородка. На нём тёмно-зелёная рубашка и чёрные брюки, пиджак висит на спинке стула, и я замечаю, как он несколько раз пытается оттянуть удушающий ворот, но не делает попыток расстегнуть пуговицы.

Послушный домашний мальчик.

Ал бросает на меня быстрый взгляд и, поставив тарелку перед собой, вонзает вилку в салатную гору.

– А не поухаживаешь за мной? – произношу кокетливо и заправляю выбившуюся прядь за ухо.

Сама не очень понимаю, зачем это делаю. У меня буквально потребность побесить Чернова. А я откуда-то знаю, что он точно взбесится.

Может быть, потому что чувствую, что он привёл свою Яну-банану сюда не просто так. На праздник к маме левых девушек обычно не таскают.

– Что?

– Я хочу того же, что ты положил себе, – произношу, не переставая улыбаться.

Альберто подозрительно косится на меня несколько секунд, а потом подхватывает своими длинными пальцами мою тарелку.

– Ты художник? – решаю спросить в лоб.

– Почему ты так решила? – отзывается парень, накладывая мне несколько канапе с икрой, пару ломтиков рыбы и кусочков сыра.

– У тебя руки перепачканы в краске и пальцы художника, – указываю ему на несколько засохших пятен на ребре ладони.

Альберто замирает и теперь смотрит в том направлении, куда я указываю.

– Вот чёрт... – тихонько под нос ругается Ал, и его щеки моментально краснеют, когда он вскидывает свой виноватый взгляд на меня и улыбается, демонстрируя свои ямочки. – Отнекиваться, думаю, бесполезно, раз у тебя такие весомые аргументы, Шерлок?

– Бесполезно, – поддакиваю я.

– У меня был урок перед праздником, и я жутко спешил, боялся опоздать. Моя студия находится на другом конце города, а моя мама очень пунктуальная женщина, очень, – Альберто делает страшные глаза и ставит мою тарелку на место.

Его живая мимика меня смешит, и я хохочу, запрокинув голову и перебросив за спину волосы.

Щеку обжигает и покалывает от чужого, направленного прямо на меня взгляда с той стороны, где сидит Миша. Я не смотрю на него и разворачиваюсь корпусом к Альберту, чуть отодвинув свой стул. Наши колени соприкасаются и парень дёргается снова.

– Ты сказал, у тебя своя студия? – спрашиваю и запихиваю в рот ложку салата.

Мне правда интересно. Где бы ни была эта студия, я уже хочу там побывать. Поэтому Альберто от меня уже так просто не отделаться.

– Да, я преподаю масляную живопись. Просто предпочитаю работать на своей территории. Ты тоже рисуешь?

– Подожди, – хватаю его за руку, – преподаёшь? Тебе сколько лет?

– Двадцать шесть, – отвечает Ал.

Поражённо таращусь на него, округлив глаза.

– Я не дала бы тебе больше двадцати!

– Да, – усмехается парень, поднося кулак ко рту, пряча за ним ещё один смешок, – есть за мной такой косяк.

– Да врёшь ты всё, – всё ещё не могу поверить. – Ты препод?

– Ага, в университете культуры, – невозмутимо.

– Я хочу, чтобы ты дал мне урок. Запиши мой номер, – произношу безапелляционно.

Теперь приходит очередь Альберто таращиться на меня.

– Ну если ты настаиваешь... – как бы нехотя говорит он, доставая из кармана свой мобильный.

– Я настаиваю!

Мы переглядываемся и дружно хохочем.

– Марк, мне скучно... – на другом конце стола блондинка номер один картинно надует губки.

– Иди потряси задницей, – отмахивается от девушки её кавалер, даже не взглянув на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.